

Королевская кошка

Виктория Миш

**Волшебная больница
Святого Владимурра**

«Литнет»

Миш В.

Волшебная больница Святого Владимурра / В. Миш — «Литнет»,
— (Королевская кошка)

Мне обещали помочь. Вылечить сына, спасти от преследователей. Но волшебная больница Междумирья скрывает больше секретов, чем кажется. Например, тайну лечащего врача. Или того, кто клялся мне в любви. У меня тоже есть семейные тайны. И меньше всего я хочу посвящать в них врачей. А придется, ведь на кону стоит жизнь моего сына.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Волшебная больница Святого Владимурра

Автор: Виктория Миш

Все события – выдуманные.

Все совпадения – случайны.

В.Миш

Глава 1

«Волшебная больница Святого Владимурра названа в честь хирурга-волшебника Владимурра Российского, возглавлявшего отделение хирургии более ста пятидесяти лет»...

На этом моменте я сделала остановку и глубоко вдохнула, чтобы унять разгулявшееся сердцебиение.

– Так. Допустим... Волшебник, значит. А что? Логично! Больница-то волшебная. Рэй сразу предупредил. И основал ее, соответственно, хирург-волшебник. И нечему удивляться!

Я принялась читать дальше.

«Владимурр Иванович отличался гуманными и продвинутыми взглядами ... В отличие от других врачей в Междумирье, он помогал всем существам, обратившимся за помощью, на безвозмездной основе. Что и легло в основу кредо больницы: «Помоги ближнему своему». Вероисповедание и форма жизни не важны»...

Перед глазами появились разноцветные звездочки, и текст буклета размылся. Опять переволновалась.

Я хлюпнула носом.

Так, Жюлька, спокойно. Возьми себя в руки.

Спокойно! Всё страшное – позади!

Нужно успокоиться.

Ничего удивительного, что здесь, в тепле, на меня накатило осознание. Столько всего мы пережили за это утро, что вся жизнь пронеслась перед глазами.

Мы были на волоске от смерти. Я и Темка, мой самый любимый в мире малыш.

Мой сыночек. Мог умереть или попасть в лапы к неизвестным!!!

Стоит успокоиться, чтобы меня не приняли за истеричную особу. И спокойно дочитать буклет.

На который только что капнула предательская капля.

...Всего полтора часа назад Рэй отбивал нас от преследователей. Полтора часа назад мы могли не выйти из медицинского центра. Не этого, другого. Куда я по глупости повела Темку на обследование. И это нападение выглядело жутко! Рэй, в прямом смысле, порвал на куски четырех мужиков в черном.

А ведь у них были автоматы.

Я снова сделала глубокий вдох. Трудно представить, чтобы было бы со мной и Темкой, если бы не отбились.

Нервы пошаливали, и мне требовался хороший глоток успокоительного. Или коньяка.

Вот только Теме намного хуже – на фоне нападения случился очередной приступ. И сейчас, пока я сижу в коридоре и пытаюсь выяснить, куда мы вообще попали, его обследуют сразу три профессора.

Слово «реанимация» произнесено не было, но я поняла, куда в срочном порядке оттащили на каталке моего сыночка.

Боже, пусть всё обойдется! Пусть нам выпишут таблетки и отправят домой!

Волшебная больница для неведомых существ – это явно перебор.

Хотя Рэй, когда вез нас сюда, честно признался, что сейчас для меня и сынишки больница – самое безопасное место.

Хотелось ему верить. Он спас нас и верить ему я должна.

И всё-таки, здесь, в широком светлом холле, с безучастными белыми стенами и бордовыми диванами, мне было некомфортно. Особенно было неприятно ловить сочувственные взгляды медсестер, которые то и дело выглядывали из-за поста.

– «Площадь больницы занимает сто акров»... – вернулась я к буклету.

Ах, да это последняя страница. А я не дочитала то, что написано на первой.

Ослабшими пальцами перевернула буклет.

«Дети и детеныши до семи лет могут сопровождаться одним родителем по желанию... Им предоставляется кровать и бесплатное питание».

– Мамочка! Джульетта Ивановна! – надо мной нависла тень медсестры с папкой в руках, – Для госпитализации необходимо согласие второго родителя. Сможете попросить подписать заявление? Или хотя бы пусть устно скажет, что согласен – я запишу на диктофон.

– Зачем?

Никогда не слышала, чтобы для лечения спрашивали согласие обоих родителей. Как будто кто-то может быть против.

Бред какой-то!

– Таковы правила, – медсестра пожала плечами. Молоденькая девушка лет двадцати пяти с рыжими кудряшками, – Так как наша больница находится между мирами, то разумно предупредить отца, что сын какое-то время будет вне зоны доступа.

– Мне казалось, телефон здесь ловит, – пробормотала я, потянувшись к карману куртки.

Буквально пять минут назад звонила навязчивая реклама с предложением бесплатной юридической помощи.

– Ловит только в холле, – терпеливо объяснила медсестра. Я пригляделась к бэйджику на левой груди. Эллен Гардиа. Красивое имя, – А когда вас переведут в палату, вы попадете в другой корпус. И с электронными гаджетами и всякими телефонами там тугο. Не ловит. Совсем.

– Почему? Заглушка стоит?

– Да, в некотором роде. Для уравнивания лечебных магических потоков принято решение стабилизировать внешнее электромагнитное излучение. Поэтому никаких лишних частот.

– Ясно! – ошеломленно пробормотала я.

Нужно написать смску маме, чтобы не беспокоилась. Только как бы получше сформулировать – мы уехали с Темкой в горы на отдых или полетели на север на экскурсию? Что выглядит правдоподобнее осенью?

– Так что, мамочка? Отцу звонить будете? У меня всё готово, – и Эллен горделиво продемонстрировала зажатый в руке черный диктофон.

– Дело в том, что отец явно не против лечения, – ответила я, тщательно подбирая слова, – Нет смысла ставить его в известность. Могу подписать за него.

– Нет, вы всё-таки позвоните. Это нужно для протокола. Я заполняю за вас бумаги, и согласие отца – очень важная деталь.

– Понимаете, он не берет трубку, когда я звоню.

Сколько раз я лгала об отце Темки? Что только не говорила и как не объясняла его отсутствие! И что он – моряк, и уплыл в очередной рейс. Или важный ученый, разрабатывающий для государства новое атомное оружие. Некоторые подруги верили. Другие сочувственно наклоняли голову и переводили тему.

Правда была столь неприглядной, что даже сейчас, когда меня спрашивал абсолютно незнакомый человек, которого я потом, скорее всего, никогда не увижу, тянуло соврать.

Но ведь это было совершенно бессмысленно! Поэтому я, скрепя сердце, призналась:

– Он перестал брать трубку с того времени, как узнал, что я беременная.

– Ох! – расстроено ахнула медсестричка и прижала папку к груди, – То есть вы с ним не общаетесь?

– Увы! Даже не слышала его голос. Три года уже почти как...

– Да, тогда и вправду нет смысла звонить! – тряхнула она хвостиком с кудряшками и благожелательно протянула папку: – Подпишите, где стоят галочки. И проверьте, всё ли правильно я заполнила.

– Спасибо! – благодарно улыбнулась я и положила папку на колени.

Буклет был отброшен на низкий журнальный столик и благополучно забыт. Читать про неведомых существ и магов, которые могут жить по сто пятьдесят лет, было тяжело. Я никак не могла поверить, что всё вокруг – настоящее.

«Всамделишное!».

Нет, не могу поверить. Постоянно кажется, что все вокруг водят меня за нос и насмеются.

Впрочем, мне всегда так кажется. Спасибо мамочке. Джульетта Ивановна премного благодарна за преувеличенное внимание к ее персоне!

Ладно, проехали. Что там нужно подписать?

Вид обычных напечатанных на принтере документов возвращал хорошее настроение. Хотя что-то немагическое в этом странном месте!

Я проверила имя и фамилию Темки – Артемий Крутецкий. Традиционно, Иванович. Хотя его отца-негодяя звали по-другому. Мама настояла, чтобы я даже мельком не упоминала этого ирода.

– Отказался от вас. Так и вы откажитесь! – кричала она.

И пусть мне в тот момент было больно, не могла не признать ее правоту. Он и вправду не заслужил упоминания. Пусть канет в лету или сточную канаву – лишь бы Темка не страдал от отсутствия отца.

– Другого мужика найдешь! – не унывала мама и грозила кулаком кому-то невидимому: – Что мы, кривые или косые какие-нибудь?

Насчет внешности она была права – природа нас не обидела. И я, и мама были стройными брюнетками с ладными округлыми фигурами и миловидными чертами лица.

Ухажеров даже в мамином возрасте была тьма. Хотя мухобойкой отбивайся.

Вот только замуж ни я, ни она так вот и не вышли.

– Где-то ошибка? – неправильно истолковала мой нахмуренный вид медсестра, и я мысленно приказала себе не отвлекаться.

Проверила свои данные – Джульетта Ивановна Крутецкая тридцати трех лет от роду. Всё верно, даже СНИЛС правильно указали.

Представила, как в офисе страховой медицинской компании будут рассматривать счет от Волшебной больницы, и не сдержала улыбку.

– Вы свои данные им отправляете? – спросила медсестру.

– Нет. Я просто вбила все документы, что вы мне дали. А лечение у нас бесплатное для всех существ.

«Существ!» – внутренне ужаснулась я, но продолжила улыбаться. Пусть и немного натужно.

– Спасибо. Всё верно.

– Тогда посидите здесь еще немного. Как палату освободят и подготовят, я провожу вас! – она ловко собрала все документы и развернулась к медицинскому посту, – Если хотите попить – в конце коридора кулер.

– Благодарю! – искренне ответила я и поднялась.

Глава 2

Больница как больница. Ничего особенного в ней нет. С виду. Вот только медсестры ходили почему-то в халатах разных оттенков рыжего – от апельсинового до абрикосового. А врачи внушали страх. Беспричинный. Хотела бы я списать всё это на излишнее волнение и мнительность, но не могла. Я чувствовала исходящую от них опасность и вжимала голову в плечи.

Причем, получалось это непроизвольно. Стоило только заметить фигуру в белом халате.

Воды я наливала себе целых два раза. Бросила пустой стаканчик в стоявшее рядом с кулером ведро и вдруг спинным мозгом почувствовала неладное.

Страх, еще более липкий и удушающий, чем раньше, прополз по позвоночнику.

Да что же это такое?!

Подняв голову, с удивлением заметила высокого крепкого мужчину в ярко-желтом костюме врача. Перехватив мой взгляд, он кивнул, здороваясь, и невозмутимо прошествовал к медицинскому посту.

Я с облегчением выдохнула. Пронесло.

Медленно двинулась к холлу, раздумывая над своими ощущениями.

И всё-таки нервы расшатались знатно. После утренних событий, это неудивительно. И всё же! Видеть в каждом враче опасность – это, кажется, паранойя. Или даже шизофренией пахнет с манией преследования.

А я совсем не похожа на шизофреничку! Так что стоит подумать о чем-нибудь приятном и расслабиться.

Вот только у судьбы оказались на меня иные планы.

– Мапочка Крутецкая! – звонко выкрикнула незнакомая медсестра в очках и с черным каре, и махнула рукой, – Подойдите.

К медицинскому посту я шла на нестигаемых ногах, как на плаху. Всё-таки этот страшный мужчина в желтом пришел по мою душу. И пообщаться с ним придется.

А так не хочется!

Холл казался таким большим и огромным, но пересекла я его быстро. Мужчина в желтом что-то деловито писал на листке, облокотившись о стойку. И, по-видимому, давал указания рыженькой медсестре – Эллен, потому что та раскраснелась, и постоянно кивала.

О чем они говорили, мне было неслышно. И врач замолчал, когда я приблизилась.

Он искоса взглянул на меня, написал еще что-то в листке и протянул его Эллен.

– Ясно? Если не получится, зови Григория. Поставить всё в такой последовательности – важно!

– Да, Иннокентий Иванович, – кивнула медсестра и пулей вылетела из-за стойки.

– Теперь вы! – обернулся он ко мне и сдвинул брови. Выглядело это так, будто он угрожает мне. Сама не заметила, как испуганно сделала шаг назад. Мужчина был выше головы на две. Мощный разворот плеч, сбитая крепкая фигура – вроде бы всё правильно, всё обычно. Но он подавлял одним своим присутствием, и я боялась лишний раз пикнуть.

– Нам нужно уединиться. Обсудить кое-что... – сказал он с намеком.

Обсудить! Не значит ли это?...

В панике я подалась вперед, забыв про свой страх перед мужчиной.

– С Темкой всё в порядке? Он очнулся?... Что с ним?...

– Всё в порядке. Лежит под наблюдением. Спит. Успокойтесь. Файра, дай ключи от перевязочной. Там поговорим.

– Вот, Иннокентий Иванович, – вторая медсестра с готовностью положила ключ на стойку.

Мужчина увлек меня в самый конец холла к двери, на которой висела табличка «Перевязочная».

Страх испарился. Теперь я с нетерпением ждала, когда мы останемся наедине. Я должна всё выяснить. Всё узнать.

Не просто так он увел меня от лишних ушей.

Что случилось с сыном? Почему его так долго наблюдают? Ему плохо? И даже таблетки не помогают?

Есть ли вообще надежда вылечиться?

Ох, много вопросов скопилось в моей голове и требовало ответа.

– Садитесь! – мужчина кивнул на железный стул у письменного стола в углу комнаты. Здесь было пустынно и холодно. Несколько железных шкафов с медицинским инвентарем, длинная серая кушетка посередине. Ширма. Какие-то тумбочки с лекарствами и бинтами.

Тусклый белесый свет добавлял заключительный штрих к безрадостной атмосфере. Да уж, не слишком приятное помещение.

Мужчина сам сел по другую сторону стола и сложил пальцы замком.

– Меня зовут Иннокентий Иванович Зойдес, я – заведующий хирургического отделения. Именно там лежит сейчас ваш сын. И так, как его ситуация отнюдь не рядовая, хотел бы прояснить несколько вопросов. Вы знали, что внутри вашего сына стоит зажим?

– Что?

– Зажим. Вот здесь... – он дотронулся до места под нижним левым ребром, – Не видели никогда?... Такая кругленькая серенькая железка, как кольцо. Зажим мешает правильно циркулировать энергии по организму, и вызывает застой желчи и мочи. Отсюда все проблемы. Понимаете?

Пару секунд я пыталась осознать услышанное. Железка. Стоит. Внутри моего сына!

Ужас!

– Но... Откуда он там взялся? Кто его поставил?!

Мысль о том, что внутри сына стоит какая-то железка, мешающая циркуляции энергии, чуть ли не лишила чувств. Меня охватила злость и ликование одновременно. Так вот в чем проблема! В чертовом зажиме!

Да я чуть не расплакалась от нахлынувших чувств.

Значит, у нас нет нарушения психики или отставания в развитии, – как говорили земные доктора! Дело совсем в другом!

– Если вы не ставили сами, значит, постарались в роддоме, – ответил врач и нахмурился, – А это совсем плохо. Ему два года и месяц?

– Да.

– Значит, всё это время зажим подавлял его.

– Но... что это вообще за зажим? Зачем он нужен?

– Используется при хирургических операциях. Чаще всего, когда пациент ранен. Чтобы восстановить изначальную циркуляцию и не позволить энергии как бы выливаться из раны. Но ставится он временно. На пару часов. А вы два года с ним ходили... – задумался он и сверкнул карими глазами, – Не могу исключить злой умысел.

– Не понимаю... – пробормотала в растерянности я, – Зачем кому-то в роддоме ставить зажим в моего сына?! Разве это не опасно? Они могли покалечить его!

– Смотря как ставить, – невесело вздохнул заведующий, – Со своей стороны мы укажем этот факт в документах. Вы сможете подать запрос в контролирующие органы, чтобы провели расследование в роддоме, но не думаю, что это даст какой-то результат.

– Почему?

– Смущает способ, которым поставили зажим. Похоже на лапароскопию, но не она. И, знаете, это весьма странно. Мы пробили вас с сыном по системе медицинских междумировых

сообществ, и ответ – отрицательный. Никто из наших вас не консультировал, никто не проводил лечение. И тогда появляется вопрос: кто нелегально оперировал вашего сына?... Понимаете, проведение подобной операций невозможно в рамках обычной больницы. Думаю, что вашим сыном занимался кто-то оттуда, – мужчина махнул подбородком в сторону.

Но откуда – оттуда, я не поняла.

– То есть, здесь замешана ваша магия? – я криво улыбнулась и неловко взмахнула руками, изображая пассы, – Вжик, вжик и готово. А?

– Нет, так мы не работаем, – на лице мужчины появилось непроницаемое выражение. Кажется, я его обидела, – Вжик-вжик, как вы изволили высказаться, можно пыль по комнате гонять. А хирургические операции мы проводим, как и у вас на Земле, при помощи инструментов. Это у Владимирра Ивановича руки были золотыми. Редкий талантище! Но к несчастью для вас, неделю назад он покинул свой пост и отправился на пенсию. А остальные хирурги, если и являются волшебниками, то обладают другими способностями – например, острый глазомер, умение видеть последствия своих действий, чуйку на лекарства и прочее. Волшебство – понятие относительное. И то, что наша больница называется Волшебной – больше дань уважения Владимирру Ивановичу, его способностям и знаниям.

Я мысленно вернулась к буклету и ахнула.

– То есть он жив? Основатель вашей больницы?

– Конечно, жив. Что ему сделается? – пожал плечами заведующий, – Вернемся к вашему сыну. Мы удалим зажим, но обычным хирургическим путем. Восстановление займет дней пять по ускоренной программе. Побочных эффектов быть не должно. Согласие подпишите перед операцией через пару часов.

– Ладно.

– И последний вопрос: к какой касте принадлежит ваш сын? В материалах этого не указано, но я должен знать, какие обезболивающие готовить. Сами понимаете, на каждый вид у нас разные препараты.

– К касте? Что вы имеете в виду?

– То есть вы ничего не знаете про другие виды? – слегка удивился заведующий, а потом внезапно улыбнулся, – Тогда понятно, отчего он испугался.

– Кто испугался? Тема? Чем вы его?...

– Успокойтесь, Джульетта Ивановна! – на мою ладонь легла огромная рука мужчины и придавила к столу. Сначала я думала воспротивиться, а потом вдруг почувствовала охватившее меня тепло и легкую апатию, и послушно сникла, – Ничего непоправимого не произошло. Когда ваш сын был в обмороке, одна из сестер приняла вторую сущность. Молоденькая совсем, плохо себя контролирует. Ей так проще, и вреда от этого, в целом нет. Мы не ругаемся...

– Какую сущность? – сопротивляться дреме и спокойствию было нелегко, – Объясните нормально.

– Артемий заметил, как у одной из медсестер появились ушки и хвост. Он как раз пришел в себя, и не ожидал подобного.

– Уши и хвост? У человека?

– Почему человека?оборотня. Все медсестры у нас лисы, – невозмутимо ответил заведующий и погладил мои пальцы, – Не волнуйтесь, у всех есть необходимое образование и квалификация. Мы за этим следим строго.

– Почему лисы? Лисички-медсестрички? – мозг всё еще бурлил и возмущался происхождению.

Но в противовес ему тело было наполнено тишиной и спокойствием. И я сидела на стуле ровно, как неживое изваяние.

– Дар эмпатии у них развит сильнее. А это очень важно в уходе за больным, – пояснил заведующий и убрал, наконец, свою руку, – В мирах, что существуют вокруг нас, встречается

много различных видов существ. Есть люди, драконы, феи, эльфы, гномы и оборотни. Последних больше в окружающих Землю мирах. Встречаются они и на Земле, но не афишируют свое происхождение. Что касается персонала нашей больницы, то большинство – именно оборотни. И я надеюсь, это не станет для вас ужасающей деталью. Ведь ваш сын – тоже оборотень.

– Что?!

– Да, настоящий оборотень. Вот только с зажимом я не могу определить, к какой касте он относится – к волкам, лисам, змеям или медведям.

– Мой сын – оборотень?

– Я вижу, что вы – человек, – миролюбиво протянул заведующий, – Значит, оборотень – его отец. Он вам не сообщал этого до мм... интимного сближения?

– Нет! – намного резче, чем хотелось, ответила я.

Спокойствие, навеянное прикосновением Иннокентия Ивановича, спало. Я сидела ошеломленная и растерянная, и еще более взволнованная, чем раньше. Мой сын – не человек!

И что с этим делать? Как жить?!

Ему, наверное, требуется особенное воспитание.

Особенное меню и обучение... Школа оборотней или магические курсы? Боже! Как все сложно!

У меня возникла еще одна мысль. Если в больнице много оборотней среди персонала, то, может быть, именно поэтому я и боюсь врачей в халатах, что чувствую эту их вторую натуру?

– А к какой касте относитесь вы? – почти ровно спросила я наблюдающего за мной врача.

– К медведям.

– Ясно, – сердце снова затопил липкий страх.

Так вот он какой, медведь!

– Вы меня боитесь? – правильно понял мужчина, – Тогда давайте прервем разговор. Вы поблднели и вот-вот грохнитесь в обморок. Идите обратно в холл, я пришлю к вам лечащего врача. С ним и обсудите дальнейшие действия.

– Спасибо! – на негнущихся ногах я поднялась со стула, – До свидания!

– Угу! – пробурчал мужчина, как самый настоящий лесной медведь.

Мамочки!

Куда же я попала?!...

Глава 3

На медицинский пост я глянула исподлобья и с большим подозрением. Лисички, значит? Эллиен будто прочитала мои мысли и вопросительно подняла голову.

Я криво улыбнулась ей и плюхнулась обратно на бордовую банкетку.

Эмпаты? Ну-ну...

В голове творился хаос. Я пыталась осознать, что мир вокруг – не тот, к какому я привыкла. И что в нем могут жить существа, о которых раньше я читала только в книжках. Или видела в кино.

Мир оказался шире и разнообразнее. Не ограничивался одной Землей, имел другие виды и касты.

Касты! К одной из которых принадлежит мой сын.

– Вот гад ползучий! – искренне выругалась я, припомнив Андрея.

Мою самую большую любовь. Любовь, которая не выдержала проверку и провалилась через полгода. Всего полгода, а каковы последствия!

Но я ни о чем не жалею. И так, ждала своей большой и всепоглощающей любви слишком долго. Аж до тридцати лет. Не хотела разминиваться по мелочам и связываться «не с тем мужчиной».

Мама попрекала меня этим, говоря, что своего мужчину можно ждать вечно, а детородный возраст ускользает. Подружки сочувствовали и пытались свести меня с любым здоровым и работающим парнем. Я ходила на бесконечные свидания, терпела глупые разговоры и дурацкие романтические фильмы, на которые никогда не пошла бы сама.

И всё ради того, чтобы выйти замуж вовремя.

Однако, судьбу не обманешь. И когда в очередное свидание я с досады отлучилась в дамскую комнату – собеседник попался ну очень скучный и дотошный, на выходе из зала меня и перехватил Андрей.

– Такая очаровательная девушка не должна скучать, – первая фраза прозвучала банально, но он сопроводил ее такой самоуверенной улыбкой, что я сама не знаю, почему остановилась у его столика. самого крайнего.

Красивый статный мужчина с блестящей копной коричневых волос и с умными пронзительными глазами. В светло-желтом пуловере и джинсах. Перед ним стояла полная чашка с кофе, еще с пенкой. Посреди которой было нарисовано сердечко из корицы.

– Можно я вас украду?

Каюсь, такие предложения мне еще не поступали. Я изумленно приподняла бровь.

– Зачем?

– Вы мне понравились, – доверительно сообщил незнакомец, – И я не могу вас отпустить, даже не попытавшись познакомиться.

Не знаю, что меня в его поведении покорило: то ли слишком явный интерес к моей персоне, который я расценила как неподобающий, то ли еще что-то.

– Не самый лучший способ! – отбрила его я и ушла в дамскую комнату.

Там я накрашила губы блеском, расчесала волосы и не на шутку призадумалась: а зачем я, собственно, отказалась?

Мужчина очень симпатичный. Опрятный. Не бомж, раз сидит в довольно дорогой кофейне. Сам инициирует наше знакомство, что для мужчин в современном мире – вообще, редкость. Все свидания последних двух лет устраивали мне девчонки.

Иногда мне казалось, что мужчины стали действовать по принципу: «я – весь такой хороший сам из себя, кому бы подарить сей подарочек»?

А тут, человек сам приглашает на свидание. Причем, в весьма любопытной форме – бежать с другого, нудного свидания.

И между делом признается, что я ему нравлюсь.

– Джулька, что ты делаешь? – уставилась я на свое изображение в зеркале, – Зачем отказала?

Настроение упало ниже плинтуса. Вот так, одним махом, я испортила себе жизнь. Может быть там, за чашкой кофе сидела моя судьба!

А я спугнула её.

Его!

Когда спустя пятнадцать минут я вошла в зал, судьба, как оказалось, расплатился и ждал меня, положив кожаную куртку на стол.

– Идем? – сверкнул глазами он, и протянул руку.

Как в фильме, как в романтической книжке – просто взял меня за руку и повел вон из кафе.

И в тот момент в сердце что-то приятно защемило.

Было невозможно отказаться. Даже сейчас, спустя почти три года, я не смогла бы переиграть наше знакомство. Оно должно было состояться. Именно так.

Иначе...

– Вы что, плачете? – вторая медсестра, с ровным каре по подбородок и в очках, стояла напротив меня и с жалостью протягивала коробку с салфетками, – Возьмите. Да не волнуйтесь вы так. Всё будет хорошо. У нас работают самые лучшие профессионалы своего дела... Вот... Да, и под правым глазом вытрите. Тушь подтекла... Да, вот здесь. Джульетта Ивановна, я хотела провести вас к анестезиологу. У нее есть пара вопросов. Если вы успокоились, пойдемте.

– А лечащий врач? – спохватилась я, когда медсестра с бэйджиком Файра Коданс уже тянула меня к какому-то кабинету.

– Он подойдет позже. Они все ушли на срочную операцию. Нет, не к вашему сыну. По скорой привезли.

– А, ну тогда ладно, – почти успокоилась я и вошла в кабинет.

Здесь было также холодно и одиноко. Стояли шкафы, тумбочки, кушетки. Светлые безликие стены, бледный свет из продолговатых плафонов. И никого.

– Мама Крутецкого, – крикнула в пустоту Файра и ободряюще потрепала по плечу, – Не волнуйтесь. Подождите Алёну Игоревну, она скоро спустится. А я пойду.

– Хорошо, – кивнула, отметив про себя, что «Игоревна» – первое отличное от «Ивановича» отчество.

Даже как-то обрадовалась этому факту.

Тем временем медсестра выскользнула за дверь, и даже не остановилась, когда я бросила вдогонку:

– А что значит, спустится?

Пару минут ничего не происходило. Я даже замерзла стоять в этой холодной комнате. Ни единого стула здесь не было, а садиться на кушетку я не осмелилась. Всё-таки она – чистая, а я в уличных брюках.

Боже мой, у нас же совсем нет вещей! А в больницу вроде надо брать сменную одежду, сменную обувь, средства гигиены...

– Уже иду! – мелодичный женский голос прозвучал откуда-то сверху.

Я вскинула голову, но ничего кроме самых обычных плафонов, не увидела.

И вдруг прямо передо мной проявилась высокая девушка со светлыми волосами, собранными в хвост. На секунду мне показалось, что у нее за спиной что-то блеснуло.

– Добрый день, мамочка. Я – Алена Игоревна, анестезиолог. Мы так и не выяснили, какое лекарство лучше давать вашему сыну, и у меня есть контрпредложение. Но нужно ваше одобрение и письменное согласие. Сейчас я вам всё подробно объясню...

– А вы... Добрый день! – я с трудом подбирала слова, – Так внезапно появились. Перенесли откуда-то?

– Я была под потолком. Писала отчет, – спокойно объяснила девушка, а потом мило улыбнулась: – Понимаете, я – фея, и мне удобнее работать в малой форме. Мы умеем уменьшаться. Это весьма удобно.

– О! – к этому я точно была не голова, – Ясно! То есть, не совсем ясно... А что за предложение?

– Понимаете, так как мы имеем блокировку энергетического тела, то очень трудно выяснить, к какой касте оборотней относится ваш сын. Тем более, что сам он не говорит, – участливо наклонила голову девушка. На вид ей было лет двадцать, – Анестезия для разных существ кардинально отличается. Если, например, ваш сын относится к касте змей, следует колоть в хвостик дренаур-315. При невозможности оборота – в левую ногу. Если он – лисенок, то лучше всего в этом возрасте лекарство подействует в области над хвостом. Там есть такой маленький квадратик, где укол почти не чувствуется...

– А если он медведь или волк? – нервно сглотнула я, – То в другие места колоть надо?

– Верно. Медведям мы колем в загривок препарат артус-614. Волкам – в правую лапу или ногу нейронс – 3. И мы в затруднении, как поступить в вашем случае, ведь эти препараты взаимоисключающие.

– То есть, если вы сделаете укол не тому виду и не тем препаратом, то обезболивающее не подействует?

– Почти. Эффект получится слабый, ребенок будет чувствовать манипуляции хирурга. И вот чтобы этого не допустить, я предлагаю сделать кардинально отличную вещь – вместо внесения лекарства предлагаю отделить душу от тела.

– Что?! Вы шутите?!

Слишком фантастически прозвучало это предложение.

– Нет. Я сама буду при этом с ребенком, риски минимальны.

– Но они есть!

– Риск есть всегда, – философски заметила Алена Игоревна, – Но мы полностью исключим болевой синдром. Ребенок ложится на кушетку, я отделяю его душу от тела и переношу в другое измерение. Там мы ждем положенное время, я его развлекаю и занимаю, всё время он – под моим наблюдением, а потом мы вместе возвращаемся в больницу. Итог – ребенок прооперирован, ничего не почувствовал, лекарство не применено. Мне кажется, это самый оптимальный вариант.

– А вы точно сможете вернуться?

– Конечно. Я же фея. Мне сходить в другое измерение то же самое, что вам заглянуть в ванную.

– И провести Темку вы тоже сможете?

– Разумеется, иначе я бы не предложила. Возьму его за руку и переведу. Вам не о чем беспокоиться. Я даже реальность ему подобрала. Он любит машинки? Нашла замечательную реальность, где полно разноцветных детских машинок. И на каждой из них мы сможем покататься!

– Да... – я растерянно огляделась, – Но как вы попадаете в другое измерение? Не вредно ли это для детского организма?

– Нет, конечно. При правильном переходе. Я вам по большому секрету скажу, что люди и все другие существа часто сами спонтанно переходят в другие измерения. Правда, механизм переноса они не запоминают, но переносятся же! Даже вы сами, я уверена, побывали уже в

десятках других измерений. Во сне. Наша душа более подвижно себя чувствует и ее тянет на приключения.

– И всё-таки, с обезболивающим было бы спокойнее. А вдруг ему будет больно, пока вы играете с машинками?

– Невозможно. Боль живет в голове. Голова связана с душой. Если душа отсутствует, тело не чувствует боли.

Меня пробила дрожь. Ему могут сделать больно! Какой же ужас... Моему мальчику грозит самая настоящая операция. И хотя я понимала, что в этом есть жизненная необходимость, очень сложно было решиться.

– Боже... Мой бедный мальчик. Его будут резать...

– Не переживайте, – девушка ласково улыбнулась, – На самом деле ничего сложного в операции нет. Наши хирурги и не такое оперировали. Да, неприятно. Да, неожиданно. Но вы подумайте – что было бы, если бы вы не попали к нам и дальше ходили с этой железякой?

– Онкология. Организм стал бы сбоить и разрушаться изнутри. Так мне сказал Рэй.

– Именно. Не знаю, кто такой Рэй, но он прав. Мамочка, послушайте. Сейчас вам сложно решиться. Страшно и вы не доверяете магии и здешним врачам. Я вас прекрасно понимаю! Сама бы сомневалась и мучилась от невозможности всё исправить. Но... поверьте моему опыту, всё, что ни делается – всё к лучшему. А в нашу больницу вас привело само Проведение. Судьба, если угодно. Вам назначили самого лучшего лечащего врача. Иннокентий Иванович будет лично присутствовать и курировать. Я – не последняя фея – анестезиолог, предлагаю вам отличный вариант, как избежать боли. Соглашайтесь! И мы вместе спасем вашего мальчика!

– Пожалуй, другого выхода нет... – сдалась я и всхлипнула, – Давайте отделять тело от души. Что еще остается?...

– Рада, что вы выбрали самый разумный вариант, – девушка прямо из воздуха достала листок бумаги с ручкой и протянула мне, – Подпишите согласие. Операция назначена на три часа дня.

– Хорошо.

Я подписала и вернулась в холл. Слезы сдержать в этот раз не удалось. Эллен подхватила меня под руку и поволокла к каким-то лифтам, что-то рассказывая о порядках в больнице и другом корпусе.

Я не слушала. В голове било молотком только одно слово: «операция», «операция», «операция», и единственное, что я могла – механически переставлять ноги.

Глава 4

Мы поднялись на лифте на четвертый этаж. Потом шли по длинному долгому переходу. Стеклопанному. Снаружи ничего не было видно из-за густого тумана, который буквально обли- зывал переход со всех сторон. Свет лился такой тусклый, что с трудом удавалось сообразить, день сейчас или ранний вечер.

Мы перешли в другой корпус с ровно такими же пустынными бело-желтыми коридорами. Спустились на лифте на второй этаж и потом снова куда-то шли.

Очнулась я только перед дверью с красивой табличкой, на которой были нарисованы черный и красный чемоданы. Медсестра деловито приложила указательный палец к сенсорной панели справа, и дверь щелкнула замком.

– Чемоданная, – пояснила Эллен, – Здесь вы можете оставить в выделенной ячейке все свои вещи на время лечения. В палаты брать их запрещено.

– Но у меня нет вещей, – я приоткрыла куртку и даже вывернула карманы брюк, – даже сумочки нет. Всё осталось в клинике. Со мной только то, что надето, и телефон.

– Вот всё это снимите и сложите в ячейку 351. Заходите внутрь, я поясню.

Мы вошли в комнату. Все три стены занимал огромный бежевый шкаф со множеством железных ячеек. В дверце каждой была плоская сенсорная панель.

– Приложите указательный палец к ячейке 351. Когда она откроется, положите на полку телефон. Тогда включится режим ожидания, и вы сможете спокойно переодеться.

Я с самым ошалелым видом уставилась на медсестру.

В комнате, кроме этих ячеек, а также пола и потолка, ничего не было.

– Во что переодеться?!

– В специальную больничную одежду, – Эллен взмахнула рукой, и позади меня прямо из воздуха материализовалась кушетка, на которой лежали какие-то свертки, – Здесь подобран домашний костюм, пижама и нижнее белье по вашему размеру. Шлепки, домашние туфли и кеды. Всё это одноразовое, и утилизируется после выписки. Так что не беспокойтесь, никто до вас одежду не носил. В палате, которую вам выделили, есть все необходимые гигиенические средства. Без зубной пасты и расчески не останетесь.

– Спасибо!

К такому супер сервису я оказалась не готова.

– То есть всё снимать и складывать на хранение? – недоверчиво спросила я.

Даже в Турции бесплатно на время выдают только халаты и полотенца. А здесь – прямо полностью обеспечивают, с головы до ног!

Что-то нереально волшебное тут творится!

– Да. Я подожду снаружи. Как сложите вещи, просто захлопните дверцу. Она запомнила отпечаток вашего пальца и ауры. Никому другому не откроется. Броня!

– Обалдеть!... То есть, спасибо!

Я подождала, когда Эллен выйдет за дверь, и стянула куртку со свитером.

И чем тут нас волшебная больница удивляет?

Я развернула первый сверток. Домашний костюм и футболка. Минуту пыталась понять, почему велюровый костюм коричневого цвета из сто процентного хлопка считается одноразо- вым. Пощупала его, повертела. Хорошая, добротная вещь!

Им его лень стирать, что ли?

Еще больше я удивилась хлопковому белью и фланелевой пижаме. И если белье было нейтрального бежевого цвета, то пижама оказалась светло-розовой да еще с принтом из сне- жинок.

– Миленко! – я переделалась в костюм, а оставшиеся вещи упаковала обратно, – А кеды действительно моего размера?

Что и говорить, они оказались впору.

– Вы там скоро? – постучали в дверь.

Кажется, я успела исчерпать ангельское терпение Эллен. Слишком долго переодевалась и рассматривала чудо-вещи. Мне они, в самом деле, показались прелюбопытными. Например, шлепки оказались в тон домашнему костюму. Как и кеды – коричневые с бежевыми вставками по бокам.

Аккуратно сложив вещи в ячейку, захлопнула ее.

– Кирилл Иванович уже прошел в ваше крыло. Обход, а ваша палата в самом начале, – обеспокоено сообщила Эллен и потянула в сторону очередного коридора, – Не стоит заставлять его ждать.

Палата оказалась современной и весьма оборудованной. На двоих. Вернее, не так. Под каждым номером был бокс, разделенный на две комнаты. В каждой комнате лежал родитель с ребенком. Душ был один на две комнаты, также в помещении перед комнатами располагался холодильник.

– Для передач? – усмехнулась я, вспомнив роддом.

– Нет, – Эллен провела меня в свободную палату и закрыла распахнутое окно. К слову, за окном ничего не было. Совсем ничего! Даже не по себе как-то стало, – По вечерам мы предлагаем кефир или ряженку. Можно не пить сразу, а поставить в холодильник и выпить перед сном. Или если на полдник выдаются глазированные сырки. Их тоже лучше хранить в холодильнике, сами знаете.

– Ясно. То есть передачи передавать запрещено?

– А зачем они вам? – Эллен поправила покрывало на односпальной кровати, – Вас всем обеспечивают, кормят. Вы приехали не на курорт, а на лечение. Незачем отвлекаться на постороннее, или кушать неизвестно что. Так что ... Вы пока обустраивайтесь, и ждите Кирилла Ивановича. А я пойду.

– Хорошо. Спасибо, Эллен!

В палате было уютно. Как раз после слов медсестры я и провела параллель. Номер в гостинице и палата в больнице выглядели одинаково. Бежевые шторы, прозрачная белая тюль. Одна односпальная кровать. Детская кровать – без перил, зато с низкими продолговатыми бортиками, чтобы ребенок не вывалился. Стол деревянный и один стул. Весьма простенький, но чистый и новый шкаф. Пока я раскладывала вещи по полкам, не могла отделаться от мысли, что нам с Темкой нереально повезло.

– Мадам Крутецкая? – низкий бархатный голос застал меня за уборкой обуви. Я как раз раскладывала шлепки и кеды на нижней полке. Дернувшись, я неприятно стукнулась локтем о дверь шкафа.

– Можно просто Джули.

– Джульетта Ивановна, – высказал осведомленность голос, чем заставил снова вспыхнуть и критично посмотреть на его обладателя, – Я – Кирилл Иванович Свиридов, ваш лечащий врач. Давайте присядем.

Он был невысоким и коренастым. Уверенно стоял на ногах, сжимая в руке папку. Подтянутая спортивная фигура в белом халате смотрелась гармонично, будто передо мной не врач, а модель, изображающая врача. Коричневые короткие волосы аккуратно подстрижены. Медицинская маска на пол лица, переводила внимание на глаза. Темные, внимательные.

Но, что самое интересное, я не чувствовала в его присутствии страха. Он разительно отличался от других врачей. Не знаю, чем, но отличался.

– Очень приятно! – машинально буркнула я и села на односпальную кровать, – Расскажите, что будет с сыном?

На одну секунду в его глазах вспыхнула искра. Кивнув каким-то своим мыслям, он спокойно присел на единственный стул.

– Мы уберем зажим. Проведем процедуры, ускоряющие заживление и восстановление жизненных процессов. Организм вашего сына истощен. Сильно истощен. Я едва представляю, как он смог дожить в таком состоянии. Простите, что говорю прямо, но Артемий в очень критичной ситуации. Думаю, его вторая сторона вытягивала тело всё это время. Силой звериного духа. Знаю, что вы не в курсе об его истинной природе...

– Совсем не в курсе! – выдохнула я, – То есть, если бы мы не попали сюда, то?...

Даже не смотря на то, что на враче была надета маска, ответ я уже прочитала по глазам. И замерла от ужаса.

– Да, всё сложилось бы печально. Иннокентий Иванович считает, что после выписки вы должны обратиться в органы магического правопорядка, чтобы провели расследование и нашли виновных. Кто-то умышленно обрек вашего сына на смерть. Это нельзя оставлять безнаказанным.

– Но кому мы помешали?! – рыдания вырвались помимо воли. Я пыталась держать себя в руках и не истерить, но получалось плохо. Врач подтвердил мои худшие опасения, которые появились после разговора с заведующим – кто-то намерено хотел свести Тему в могилу. И... это было чудовищно! Ужасно! – Зачем? Зачем нужно было вставлять эту чертову штуку?

– Не знаю. Однако данная операция проведена противозаконно. Всеми врачами Междумирья признается право существ на здоровую и счастливую жизнь. Никто из нас не стал бы заниматься подобным вредительством.

И он говорил правду. Я чувствовала это всеми фибрами своей измученной души.

Очевидно, нам с сыном не повезло. Нам попался какой-то маньяк, который загнал нас в угол. Лишил будущего.

Но не лишил надежды!

– Боже! Как же так?!... – я уронила лицо в ладони. Слезы больше не сдерживала, они потекли горной рекой, водопадом...

Врач деликатно молчал и ждал, пока я нарыдаюсь. А я всё рыдала и рыдала, не в силах остановиться. Как же так?! За что?! Разве я сделала что-то плохое? Перешла кому-то дорогу, чтобы так мстить? Но я ничего плохого за свою жизнь не делала и всегда всем помогала.

Или этого мало?!...

– Джули, успокойтесь! – Кирилл Иванович неожиданно навис надо мной темной тенью. А потом его широкая ладонь опустилась на плечо и ободряюще сжала, – Всё страшное – позади. Подумайте об этом. Через полтора часа операция. Хорошо, что вы доверились Рэю и приехали сюда. Это было важное решение. Вы стояли на распутье судьбы, но повернули в правильную сторону. Немногие соглашаются приехать к нам. А потом становится поздно... Вы же – молодец, что решились. Это было сложно, я знаю. Теперь всё изменится, ваш сын поправится. Обещаю!

– Кто такой Рэй? – всхлипнула я и подняла зареванные глаза.

Очертания врача размывались, даже темные глаза были скрыты за густой пеленой. Наверное, я здорово опухла. Но это было неважно. Главное, узнать! Узнать побольше!

– Охотник. Он ищет детенышей по всем мирам. Тех, кому нужна помощь. Впрочем, вас он привел по другой причине.

– По какой?

Врач замолчал. И это молчание длилось долго – минут пять.

– Пусть он сам расскажет вам об этом. Я не в праве говорить.

– Да как же я спрошу?! Мы даже не обменялись номерами телефонов. Он высадил нас у входа в больницу, и уехал, не попрощавшись!

Кирилл Иванович красноречиво молчал.

Понятно. Тема Рэя-табу. Разочарование, мгновенно затопившее меня по самые уши, подтолкнуло с вызовом спросить:

– Почему вы все Ивановичи? Все. Или почти все... Так не бывает!

– Вам важно уточнить это именно сейчас? – в нейтральном голосе врача мне послышался мягкий укор, – Если по Артемию больше нет вопросов, я продолжу обход. Сегодня я дежурю, так что еще загляну к вам часов в десять-одиннадцать вечера.

И он сделал пару шагов к двери.

Уйдет.

Я вскочила с кровати, как ошпаренная.

Сейчас он уйдет и бросит меня одну!

– Я задала вам... важный вопрос! – узнать загадку одинаковых отчеств мне показалось важным в эту минуту, – Почему вы не отвечаете? Это какой-то заговор?

Я не видела лица врача, но почему-то показалось, что он остановился перед порогом нервно, словно бы с досадой.

– Вы перенервничали, Джули. Не стоит загружать мозг лишней информацией. У вас итак, полагаю, выдался непростой день. Отдыхайте. Сын придет в себя к ночи. Возможно, будет бредить после переноса души в другое измерение. Вам стоит приберечь силы для ухода за ним. И не забивать голову глупостями.

– Это не глупости! Совсем!

Иногда, когда я чувствую чужое сопротивление, меня несет: хочется проломить, снести его. Доказать всем и каждому, что я права. А другие – нет. В детстве мама меня часто упрекала в том, что я делаю всё на зло. Наперекор ей. Но это не так. На самом деле я хочу докопаться до правды.

– До вечера, Джули! – тон врача был непоколебим.

Он спокойно вышел за дверь, проигнорировав мое учащенное дыхание и сжатые в приступе ярости кулаки.

– Да как же это так?! – вскрикнула я и плюхнулась на кровать, – Всё в этой больнице не так!

Я и сама чувствовала, что мое поведение выходит за рамки. И Кирилл Иванович поступает мудро и правильно, не акцентируя внимание на моих вопросах.

И всё-таки, почему он не ответил? Почему?!

Умом я понимала, что истерить и принуждать врача к ответу – глупо и, как минимум, невоспитанно. Но ничего не могла с собой поделать. Мне до чертиков хотелось узнать, почему врачи называют себя Ивановичами. Не Петровичами, Александровичами или Георгиевичами. Именно Ивановичами. В этом мне виделся скрытый смысл.

Словно бы ответ был зацепкой в сложной детективной истории. Вот почему я пристала к Кириллу Ивановичу с этими отчествами.

– Ладно. Потом обязательно спрошу. У него или у Рэя... – я сбросила кеды и с наслаждением растянулась поверх покрывала, – А ведь они правы. Темка у меня – непростой малыш. Странности начались с самого начала. С его рождения...

Глава 5

... – Странности начались в то лето, когда родился Тёма. Я уже позабыла о том случае, а ведь именно тогда случилось первое чудо. Мы выжили. Мы выживали с ним постоянно, изо дня в день, противясь судьбе и злему року. Георг бросил меня на втором месяце беременности. Я была вынуждена научиться выживать. Не потому, что хотела или чувствовала себя матерью-героиней. Нет. Я мечтала о семейном уюте, жизни с любимым человеком и теплой постели по утрам. Но так получилось, что мы остались вдвоем в грубом и жестоком мире. И не было никого, кто мог бы вступить за нас...

Я замолчала, подавляя слезы. Женщина в белом халате, внимательно вглядывалась в лицо и постукивала карандашом по столу.

– Вы говорили про странности. Что это было?

– Ах, да, – раскрыв сумочку, я достала пачку одноразовых бумажных платочков. Высморкалась, – Мы были на даче у родителей. Тёма засыпает плохо, спит мало. Но я нашла способ укачивать его – вывозила в коляске на дорогу и катать вдоль забора. Там у нас насыпь асфальтовой крошки. Получается такой звук интересный, когда катаешься, словно ты в карете едешь...

Я остановилась и снова вдохнула, чтобы успокоиться.

– Погода была хорошая, и я решила проехать вверх по улице. У нас там склон, мы живем в низине. А я поехала с коляской наверх. И вот там, уже через несколько участков от нас, откуда-то со стороны леса вышли две бездомные собаки.

– У вас часто такое случается? – женщина что-то фиксировала в своем блокноте, – Вы боитесь собак?

– Нет. Вовсе нет! – я энергично закивала головой, – Но в тот момент я подумала: мы далеко от нашего участка. Собаки подозрительные и крупные, могут напасть. А они вышли, понюхали что-то и направились напрямик к нам. И тогда мне стало страшно. Не за себя, за Тёму. Вдруг они, в самом деле, нападут? А у меня с собой ничего нет – ни зонтика, ни палки. Нечем дать отпор, понимаете? И родители за несколько участков от нас. Не услышат, если я их позову.

– Так... – женщина поощрительно кивнула: – И что же было дальше?

– Откуда-то из кустов вынырнул волк. Честное слово, настоящий волк. Как в фильмах на Би-би-си.

– Часто смотрите?

– Да нет. Пару раз попадала.

– И что с этим волком было не так?

– Он прыгнул наперерез между коляской и собаками и зарычал на них. Прогнал.

– А вы что? – женщина участливо наклонила голову. Выслушивать самые разные бредни – было ее профессией, – Тоже испугались?

– Нет. В этот раз нет. И это странно! – я зябко пожала плечами, – Он был таким огромным, настоящий серый волчара. И пасть с мою голову! Но я не испугалась. Когда увидела, что он отогнал собак, каким-то десятым чувством поняла – нам он не причинит вреда.

– Понятно!... А еще какие-нибудь странности были?

– Много! – я с воодушевлением выпрямилась на стуле, – В другой раз, Тёма чуть было не упал с дивана... – случайно мазнув взглядом по навесным часам, я испуганно ойкнула и вскочила:

– Простите. Что-то я заболталась. Час прошел. Я его в игровую комнату сдала на первом этаже. Нужно забирать!

– Идите! – мягко ответила женщина и написала что-то на бумажке, – В той аптеке, о которой я вам говорила, купите это лекарство. Поможет от всех странностей. А на следующей неделе снова приходите. Разберемся до конца с вашими собственными опасениями.

Я тогда трясущимися руками взяла листок с рецептом и молча кивнула. А на пороге не выдержала – резко обернулась:

– Думаете, я схожу с ума? Мне нужно лечиться?

– Нет, это всего лишь витамины, – женщина сцепила руки в замок, – вполне вероятно, что у вас тревожное расстройство. И с учетом сложных жизненных обстоятельств, недавних родов, вы иногда видите всё в черном цвете. Вы не думали, что те собаки хотели с вами поиграть?

Я вспомнила стекающую с пасти рыжей псины белую пену, и отрицательно качнула головой:

– Нет. Они явно замыслили недоброе.

– Собаки? – подчеркнула женщина и мягко улыбнулась: – До следующего четверга, Джульетта Ивановна.

Я меняла психологов три раза. Выбирала только женщин в надежде, что они поймут – я не безнадежная особа с манией преследования. Я – мать. И опасности, грозящие моему малышу совершенно не выдуманные. Реальные. Как тот случай с диваном.

Мы были в поликлинике в грудничковый день. Темке исполнилось полгода, и он научился садиться и немного ползти. И, конечно, я не собиралась оставлять его одного на диване у стойки администратора. Нет. Я сидела рядом с ним и терпеливо ждала, пока нам поставят штампы на бумаги – в этот раз отправляли на консультацию к урологу, да еще узи нужно было сделать в другом филиале – в общем, бумажек накопилось порядочно, и все их нужно было зарегистрировать и оформить. Не знаю, почему администратору захотелось уточнить причину направления. Всё было написано ясно и понятно, но ей захотелось. А Темка так спокойно сидел на диване и насасывал хвостик резинового щенка, что я без задней мысли поднялась и отошла всего лишь на секунду.

На одну десятую сотой секунды, чтобы ткнуть пальцем в графу и пояснить, что мы только на консультацию.

Я никак не предполагала, что в этот момент произойдет странное – Темка отбросит щенка в сторону и целенаправленно решит завалиться вперед и удариться, так сказать, носом об плиты.

И еще, менее всего на свете я бы ожидала увидеть тощего парня подростка, который появится из ниоткуда и ловким движением перехватит малыша у самого пола.

Темка испугается и заорет. Я получу микроинфаркт и трясущиеся колени. Но ни одной царапины или синяка на теле сына не будет.

А парень со светлыми волосами...

– Да я так, мимо проходил и увидел... Дай, думаю, перехвачу... – смущаясь, ответит на мою благодарность и незаметно исчезнет.

...А еще, на предпоследнем сеансе у психолога Эльвиры Михайловны, опытного профессионала с высоким рейтингом, которую я нашла в крутой московской клинике, вдруг вспомнила, что другие дети сторонятся Темку. Всегда. Будь то детская площадка, магазин или развивающие занятия. Даже малыши, не понимающие, как их зовут, плачут, стоит сыночку подойти к коляске.

Первое время я жутко переживала и нервничала. Успокаивала родителей детей, что мой сын не замахивался, не бил и не стучал чужого ребенка игрушкой.

Он всего лишь подошел.

Многие не верили и на повышенных тонах объясняли, что я – плохая мать. Дело кончилось тем, что последние два месяца мы избегаем детские площадки и не общаемся с детьми. Да, это решение далось мне с трудом. Ведь детки должны коммуницировать, общаться друг с

другом. Вместе лепить куличики и строить гаражи из песка. Качаться на двухместных качелях и скатываться с горки.

Дружить. Или хотя бы пытаться понять это слово.

Но... обвинения в адрес сына звучали всё жестче и агрессивнее. Я не знала, как реагировать, и плакала, уводя сына в сторону.

– Вы неправы, – уверяла меня Эльвира Михайловна на предпоследнем сеансе, – Скорее всего, ваш сын – интроверт. Вот и не получается у него общаться с детками. Приводите его в следующий вторник, я приглашу детского психолога, и мы вчетвером выясним, что нам с ним делать.

... Да, теперь я начинаю понимать причину этой неприязни. Вполне вероятно, дети инстинктивно чувствовали, что Темка – другой. Они боялись его также, как я боюсь врачей в этой больнице.

Кроме Кирилла Ивановича. Он – совсем другой.

Человек?...

– Тук-тук, к вам можно?

Вернуться в реальность оказалось непросто – вспоминая свои нелегкие последние два года, я кажется, задремала. Потому что голова была как ватная, а тело затекло.

Повторный стук окончательно разбудил, и я сонно приподнялась на кровати.

Дверь в палату приоткрылась. На пороге стояла худенькая невысокая женщина с растрепанной копной коричневых кудрявых волос.

– Вы – новенькая? Скотч есть?

– Да. Здравьте. А вам зачем?

– Привязать сына, – как само собой разумеющееся, ответила женщина, и вошла, – Совсем распоясался, негодник.

Наверное, вид у меня был совсем ошарашенный, потому что женщина немного смутилась и пояснила:

– Да нет, вы не так поняли. Он у меня после операции. Ему нельзя двигаться, а он перебрасывается во вторую ипостась каждые две минуты. Я говорю: лежи смирно! А он всё равно: то хвост вытащит, то уши проявит...

Я осторожно спросила:

– Позвольте, если дело в хвосте, то, как вы собираетесь этот хвост фиксировать скотчем? Он же слетит.

– Да нет, не хвост! – махнула рукой женщина, – я хотела привязать туловище крепко-накрепко к кровати, чтобы ему было неудобно двигаться. Тогда он не сможет повернуться на бок и вытащить хвост.

Прозвучало так дико, что я сглотнула, и перевела тему:

– А какой касты ваш сын?

– Волчонок он. Шебутной, весь в отца! – в голосе матери прозвучало тщательно скрытое одобрение.

– Вы тоже волчица?

Ничего в облике женщины не указывало на волков. Мелкая она была и какая-то юркая. Либо я ничего не понимаю в этих оборотнях, либо волком здесь даже не пахнет!

– Нет, я Лиса, – женщина по-свойски прошла в палату и присела на стул. Загадочно улыбнулась и закинула ногу на ногу.

Я пригляделась – ну вылитая Лиса Патрикеевна! Спросила про одно, просочилась в палату уже с другим...

– Как же вы с волком связались? То есть замуж вышли?

– Элементарно, милочка. Межвидовые браки не запрещены. А какой ген ребёнок унаследует – мне всё равно. Лишь бы здоров был. Разумеется, минусы у межвидовых браков есть.

С родителями почти не общаемся. Разные менталитеты, понимаешь? Мои всё время вмешиваются, интриги плетут. Его родители агрессивные, как собаки. Всё время в чем-то обвиняют. Невозможно общаться. Я не собираюсь с ними ссориться, но выслушивать каждый день, какая я плохая – невыносимо! Так что общаемся редко. Конечно, с дитем не помогают. От этого трудно. Но и нервы не треплют... Так и живём!... А где ваш сынок?

Я села на кровати и свесила ноги. Этой Лисе удалось сбить меня с толку.

– Скотча я нет. Сын под наблюдением, ждёт операцию. А вы с чем лежите?

– С хвостом! – Лиса горестно вздохнула, – у вас тоже неправильно вылазит хвостик?

Многие с этим лежат.

Я даже мысленно не смогла себе представить, о чём говорит женщина.

– Неправильно вылазит? Это как?

– Ну, он должен быть сзади, а у моего сына Артура хвост вылазит спереди.

– Вы имеете в виду на том самом месте, где должен быть?...

Даже волосы зашевелились, когда представила. Ничего себе проблемы у обратной стороны!

– Нет, повыше. Выглядит всё равно странно и неправильно. Вот эти самые зачатки хвоста, корешок, неправильно растущий, вырезали и пересадили над копчиком. Чтобы дальше рос правильно. Сам хвост тоже укоротили. Вместо длинного пушистого один кончик оставили. Я говорю ему – отрастёт, что ты волнуешься? А он мне – хочу посмотреть, не отвалился ли... И вот каждую секунду ему надо смотреть. А ведь врачи сказали не двигаться!... У вас кто лечащий?

– Да, с детьми сложно. Кирилл Иванович.

– И у нас. Меня, кстати, Элеонорой Блэсс зовут. Можно по-простому – Нора.

– Очень приятно. А я- Джульетта Крутецкая. Можно просто Джули, – почти искренне улыбнулась я.

Привязчивая соседка начинала утомлять.

– Вы заметили, что он не волк? – понизила голос Нора, – То есть, я не знаю, к какой касте он относится, но не лис. Лисов я за километр чую. Волков тоже. Я с Земли, кстати, как и вы.

– Правда?

Чувствую, не скоро от нее отделаюсь. Намеков такие существа не понимают, а напрямую сказать, что я устала, волнуюсь и хочу побыть в тишине – как-то неловко.

– Да, моя мать – человек. Её отец обольстил. Я взяла его гены, чем очень горжусь. И смогла переехать на Горнэ. Вы бывали когда-нибудь на Горнэ? Волчий мир. Но и другие касты они не притесняют. Там и с мужем познакомилась.

– Нет, я нигде не была.

– Вам обязательно там надо побывать. Синий свет луны, розовый песок и море... Мы, конечно, не купаемся. Но как красиво вечерами пробежаться по берегу... Скучаю по мужу, – пояснила она, – Третий день здесь лежим.

– Ясно.

– А ваш муж кто?

– Не знаю.

– Это как?

– Долгая история! – я поднялась, – Потом как-нибудь расскажу.

– Почему не сейчас? Артурчик заснул. Я с удовольствием послушаю.

Оказывается, отделаться от лисы совсем непросто. Намеков она явно не понимает.

– Вы разве не собирались найти скотч? Примотать сына?

– Да я его третий день ищу! – легкомысленно отмахнулась лиса, и ее глаза загорелись любопытством, – Так что ж, он не открыл вам свою природу? Как необычно. Может, он –

беглый преступник? Скрывается от правосудия, а тут вы... вся такая аппетитная человечка. Или он – женат? Среди волков такое невозможно, но вдруг ваш муж змея?

– Он мне не муж, – открываю все карты я и слышу в ответ:

– У... как интересно!

Георг мог быть змеем? Существом с холодным склизким хвостом? Таким огромным и длинным.

Я прикрываю глаза. Из глубины памяти всплывает его лицо – большие бездонные глаза, волевой подбородок. Вьющиеся каштановые волосы, упрямые твердые губы и улыбка с легкой усмешкой. Он всегда смотрел словно бы сквозь тебя. Создавалось впечатление, что он что-то знает. Какую-то тайну. Секретную информацию, или то, что рассказывают лишь посвященным.

Как же я была недалеко от истины!

Наверное, этот флер тайны и недосказанности и привлек меня к нему. Подсознательно я ненавижу тайны, и всегда хочу их разгадать. То, что я не понимаю, беспокоит. И я места себе не нахожу, пока не выясню всё до конца.

Вот и мужчину себе выбрала непростого. Под самую макушку забитого тайнами и загадками. Смешно сказать, за те полгода, что мы встречались, я ни разу не была у него дома. Не познакомилась с его родителями или друзьями.

Теперь уже понимаю, что это был тревожный звонок. Вот только дошел он до меня спустя три года.

Так мог Георг быть змеем искусителем? Тем, кто по традиционным представлениям, тянет на дно, выявляет самые темные уголки души...

Нет. Не буду об этом думать. От одной мысли становится противно и гадко на душе.

Всё-таки я его любила. И пусть наши отношения далеко в прошлом, и любовь моя завяла после его предательства, всё-таки нечестно сразу записывать его в змеи.

– Это плохо... ну... быть змеей? Их недолюбливают? – говорить на эту тему было тяжело.

Эмоции захлестнули с небывалой силой. Былая боль снова дала о себе знать и я остро почувствовала свое одиночество.

Одна, я осталась совсем одна! И Темка тоже. За нами нет крепкого и надежного плеча. Поддержки и страховки. Единственное, на кого мы можем рассчитывать, – только на себя.

А лиса сидела напротив и легонько покачивала шлепкой на правой ноге. Понятливо улыбалась.

– Да нет. Обычные оборотни. Не слишком открытые, конечно. Общаются с другими кастами мало. Там у них своя иерархия, заморочки какие-то... Типа младший не может прыгнуть выше старшего. Или там какие-то решения важные принимать... – Нора говорила отстраненно, словно ее это совсем не беспокоило, – Лично меня змеи не трогали. Гадости не делали, детенышей не крали. Так что я нормально к ним отношусь. Вот только, знаете, о чем подумала? Если бы ваш муж относился к змеям, то вы бы своего сына в глаза после родов не видели бы. Они очень оберегают змеенышей. Просто ненормально как-то. Змей мало по всем мирам, они берегут своих.

– Да? Значит, он не змей!

Я испытала такое громадное облегчение, что лиса расхохоталась.

– Вы еще и касту выбираете? Ну, Джули, даете! Да какая разница, кто он был, если ...

Её фраза: «так поступил с вами» недосказанной повисла в воздухе.

Я нахмурилась. Нет, выдерживать эту беспардонную нахалку – никаких сил моральных не хватит. Влезает в самое сердце и топчется по нему кирзовыми сапогами.

Да, информация нужна. И где мне её еще добыть, как не у словоохотливой лисы?

Вот только ничего не случится, если мы поговорим завтра. Или послезавтра. А сейчас – нужно сосредоточиться и подготовиться к возвращению сына.

– Простите, Нора, мне нужно побыть одной.

Я глянула на часы, висящие над входной дверью, и ахнула:

– Операция в самом разгаре! Его сейчас... – гулко сглотив, повернулась к лисе: – Давайте договорим завтра?

– Хорошо! – прыгнув со стула, она пошла к двери, – Если что-то нужно, стучитесь. Я допоздна не сплю.

– Спасибо! – машинально поблагодарила я, и с облегчением закрыла за нею дверь.

Ждать пришлось долго. Всё это время я мучилась от неизвестности и гнала нехорошие мысли.

Всё хорошо! Всё будет хорошо! Просто операция продлилась не час, как мне обещали, а чуть подольше.

Такое ведь бывает, верно?

А врачи здесь опытные. Очень опытные. И Кирилл Иванович произвел благоприятное впечатление...

В восемь вечера ко мне постучалась медсестра. Она просунула голову в дверной проем и улыбнулась.

– Не спите? Волнуетесь? Не надо!... С вашим малышом всё хорошо. Он восстанавливается под наблюдением. Через полчаса должны привезти, – Эллен тряхнула кудряшками, – Кстати, Джульетта Ивановна, к вам тут хотели зайти... Вы не против?

– Зайти?

Я бессмысленно уставилась на часы. Восемь вечера. Я – в волшебной больнице. Кто ко мне может прийти?

– Ну да... Наверное.

– Заходите, Олег Иванович! – позвала кого-то медсестра и вдруг подмигнула мне: – Только вы недолго. Не надо афишировать.

– Афишировать что? – хотела спросить я, но медсестра исчезла.

Какие они всё-таки быстрые, эти лисы!

А дверь распахнулась шире. На пороге появилась высокая подтянутая фигура того, кого я меньше всего ожидала снова увидеть.

– Рэй? Что ты тут делаешь? – изумилась я.

Он стоял такой же огромный и сильный. Вот только в белом халате и с папочкой под мышкой.

– Теперь Олег Иванович, – ровно оскалил зубы мужчина и закрыл за собой дверь, – Меня назначили главврачом Владимурра. Так что теперь будем часто видеться, Джульетта.

Глава 6

Я не могла поверить своим глазам. Как, как такое возможно? Он же попрощался с нами тогда в холле больницы, и ни словом не обмолвился, что будет работать здесь. Да и не врач он, насколько я поняла.

Ищет детенышей в беде – так мне сказали. А кто обычно ищет? Полиция или детективы. Почему-то я сразу отнесла Рэя к этой категории и даже мысли не допускала, что ошибаюсь.

– Приятное совпадение, правда? – мужчина слегка нахмурился, – Удивлена? И я не меньше. Никогда не возглавлял что-то такое большое... То есть я вообще никогда не руководил. Полевая работа – это одно, а вот больница – это...

Он взмахнул руками, обрисовывая огромный шар.

Папка выскользнула, со смехом он подхватил ее у бедра.

– Ну, ладно. Чего сразу обо мне. Рассказывай: как тебе больница? Слышал, операция прошла успешно. Кир мастак в своем деле. Он любому что хочешь пришьет!

– Рэй, подожди! – я подошла ближе к мужчине и заглянула в глаза: – У меня голова кругом, и даже в глазах звездочки. Ты должен мне рассказать. Всё. Иначе я изведусь и напридумываю себе что-нибудь невероятное.

– Например, что? – мужчина усмехнулся, но в глазах блеснуло напряжение.

– Что ты преследуешь нас. Если утром ты просто выполнял задание и ликвидировал этих варрей... То сейчас – я в полном шоке. Это что-то невероятное. Ты и главврач. Прости, если это прозвучало непочтительно, но... у тебя хоть медицинское образование есть?

– Нету, – честно ответил он, – Джульетта, чем ты недовольна? Я тебе говорил, что пока не узнаю, кто дал заказ варрям, тебе лучше переждать в больнице. Сюда они не проникнут. Запрос на идентификацию тел я отправил. Мы выясним, кто заказчик вашего похищения... А насчет должности. Так странно получилось: когда я приехал с дела в контору, шеф вызвал к себе и показал бумагу... Она спустилась сверху, и в ней говорилось, что я назначен главврачом. Вот так. Сразу и бац! Руководитель одной из крупных больниц в Междумирье. Для меня это тоже сюрприз! Шеф сказал, что впервые на его памяти обычного следака назначают управленцем. Да еще и в другой области. Я ведь в медицине ни черта не смыслю. А бумага пришла, и мы подчинились.

– То есть утром ты не знал, что будешь работать здесь?

– Неа. Даже не догадывался. У меня на вечер вообще другие планы были... – как-то легкомысленно отмахнулся он.

– И какие же? – с подозрением уточнила я.

И оказалась права. К чести Рэя, он не соврал. Лишь с легким смущением признался:

– Вас провести.

И так посмотрел, что мне вконец стало неловко. Он ведь из-за сына интересуется, верно? Переживает. Рэй нес его на руках до машины, переспрашивал, часто ли у сына случаются обмороки, и костерил этих варрей на чем свет стоит.

– Но зачем? – теперь смутилась я, – То есть, мы итак благодарны за спасение и помощь... Совершенно необязательно было беспокоиться и...

Я не знала, куда деть глаза. Мы добавили прилично проблем ему этим утром. Не без потерь он вышел из этой стычки. Несколько пуль задела по касательной. И хотя он был в теле волка, и регенерация у них, по его заверениям, хорошая, всё равно пострадал. Я видела кровь, когда он размещал Темку на заднем сидении лэнд-ровера. И теперь чувствовала вину. Ведь это из-за нас он тогда изменил маршрут и примчался в город. Из-за нас оказался втянут в драку.

Рэй перебил, взяв меня за руку.

– Знаешь, Джули, я должен признаться. Только не суди строго, я и сам понимаю, что дал лишку. Хотя, нет, не дал. Так может показаться со стороны. И если не знать, что стоит на кону.

– Та-ак! – я подозревала, что день принесет еще сюрпризы. Но никак не ожидала, что такие.

– Да, – Рэй нервно взлохматил короткий ежик черных волос, – Она говорила, что Темка – баресс. Поэтому я не мог спокойно смотреть на то, как его уничтожают. Или, еще хуже – заберут варри и заставят служить темным силам. В общем, прости меня, Джули, но все эти два года я следил за вами. Издалека, не вмешиваясь... почти! я всегда находился где-то рядом.

– Ты охранял нас?

– В некотором роде, – а сам смотрит исподлобья и скромно улыбается. Конечно, защитничек!

Он думает, я буду счастлива. Брошусь на шею от радости или завизжу как девчонка. Боже мой, нас спасли от стольких напастей!

Только непонятно, почему не спасли от самой важной?

– Тогда какого черта поставили зажим? – я не удержалась и легонько пихнула Рэя в грудь, – Почему ты допустил это? Почему не проследил?! Ведь из-за этой железяки, мы так страдали эти два года. А ты был рядом и молча смотрел?!

– Она приказала не вмешиваться без необходимости, – стушевался мужчина и перехватил мою руку, снова норовящую его пихнуть, – Подожди, Джули, не спеши. Всё не так, как ты думаешь. Я – не враг, и на вашей стороне. То, что зажим поставили – я, честно, не знал. Кир сказал, эту операцию провернули в роддоме, когда мальчишка родился. А я вправду не знал!... Да, поверь мне! О Темке узнал только через две недели после его рождения. И сразу примчался к вам. А у вас порталы на Земле нестабильные... – покачал головой он, – Знаешь, как неудобно следить?

– Что-то не верится. То есть был рядом, но не знал, когда Темка родится? – я скептически подняла бровь, – Кстати, о ком ты говоришь? Кто такая – она? И о чем она могла тебе сказать? Кто такие барессы?

– Провидица нашей касты. Волкулара... – тон Рэя стал уважительным и восхищенным одновременно, – Она следит за звездами, знаками судьбы и сплетением человеческих судеб. Если те связаны с нами. Она обычно предвещает о рождении истинных пар, о катаклизмах и переворотах в других кастах.

– И?

– Она предсказала появление Темы под звездами. Он – особенный малыш, способный и уникальный мальчик. Таких, как он, мы называем барессами.

– И в чем проявляется его особенность?

– Он может вершить судьбы. Управлять вселенной! Творить историю!

– Да ну! Глупости это всё... – я с облегчением выдохнула и даже улыбнулась, – Скажешь то же – творить вселенную! Да, он – замечательный и шabutной малыш, для меня – самый важный в мире! Но никаких особенных талантов я за ним не замечала. Он даже говорить еще не начал.

– Так зажим мешал. Вот снимем его, и ты увидишь! – убежденно произнес Рэй.

– А если его рождение предсказала ваша провидица, получается, Темка – волк?

– Необязательно, – разбил мои надежды Рэй. А я-то уже хотела определиться с кастой, – Баресс принадлежит всем и никому. Он – особенный. Он как бы над кастами.

– Хм... Запутал ты меня еще больше!

– Ничего, со временем поймешь! – Рэй как-то криво усмехнулся, одними кончиками губ. Глаза оставались серьезными и напряженными, – Не знаю, как поделикатней спросить, но хотелось бы спросить тебя об отце ребенка. Эллен сказала, что он тебя бросил... Ээ... больной вопрос? ... Прости!

Виноватое выражение на его лице перекрывало смущение. Если мой новый знакомый и не отличался деликатностью, он хотя бы понимал, что вопрос деликатный и непростой.

– Да нет! – я постаралась, чтобы голос звучал ровно и непринуждённо, – Уже не больно. Да, он нас бросил, когда узнал, что я беременна. Это случилось неожиданно, и я... долгое время себя плохо чувствовала. Скажем так. В депрессии была... Когда любимый человек утверждает о любви каждый день, а потом внезапно исчезает – это... тяжело. Скажи, так принято в вашем мире – бросать детей человек? Кастой не вышла, можно и не считаться, так?

Подбородок дрожал, и я уже не старалась скрывать. Вызывающе вздернула его и смотрела прямо в глаза Рэю. Пусть видит. Чего храбриться и что-то из себя изображать, когда итак ясно, что мною пренебрегли.

– Что ты!... Это не так, – на мои предплечья легли сильные мужские руки, – Я бы ни за что не бросил тебя с Темой! Он просто гад. Из змей или лис. Они любят обманывать женщин. Пользуются своей красотой и обаянием.

– Разве? – я не заметила, как на кофту упала слеза, потом другая, – Моя соседка Нора сказала, что змеи оберегают своих детенышей.

– Чистокровных, да.

– Ясно... – голос пропал и говорить дальше было трудно.

Значит, мы с Темкой – не котируемся. Нечистокровные. Что с нами возиться?!... На Земле еще говорят что-то про дискриминацию. А как подобное отношение можно назвать?!

– Он поступил некрасиво, – твердо сказал Рэй и легонько сжал мои плечи. От его пальцев тепло нежно проникало в тело. Стало как-то спокойнее и приятнее, – Обсуждать его мотивы не буду. Не знаю, что было в голове у недоумка, и не хочу, чтобы ты страдала. Зато в этом есть и хорошая сторона. Гад не узнал, что его сын стал барессом. В этом вижу перст судьбы. Она отвела его от вас. И это хорошо. Чем меньше будет ненадежных существ в окружении Темки, тем мне спокойнее.

– Но почему?

– Многие хотят заполучить баресса, – Рэй говорил прямо, не скрываясь, – Большие возможности открываются не только перед ним, но и перед кастой, в которой он будет жить. Барессов мало, они рождаются раз в сто лет. А могущества и власти могут предоставить своим покровителям много. Всем нужны друзья. И, что скрывать, очень часто баресс просто-напросто используют в корыстных целях.

– А ты... тоже хочешь использовать Темку? – решилась на вопрос я, – Только скажи честно, прошу тебя!

– Я бы никогда не посмел использовать баресса в корыстных целях, – медленно произнес Рэй и отнял руки.

В этот момент словно бы налетел невидимый ветер, и стало холодно. Я поежилась.

– Могу дать слово волка, что защищал его не из-за того, чтобы подчинить себе или втереться в доверие. Приход баресса в наш мир – большое счастье. И я на самом деле рад, что смог помочь. Правда.

Он говорил уверенно и спокойно, и не было причин не верить. Я вытерла глаза рукавом и отступила на шаг. В этом новом, волшебном мире Рэй – наш единственный друг. И обижать друга недоверием – глупо и некрасиво.

– Хорошо. Прости, что спросила... Но мы в таком положении... – я развела руками, – Хотелось знать точно.

– Понимаю! И рад, что все недомолвки исчезли. Если что-нибудь понадобится – дай знать через Эллен. Хорошая девушка, думаю, ей можно доверять.

Он перехватил папку и уже развернулся к двери.

– Угу! – я снова вытерла набежавшие слезы, – В этой больнице все такие милые и сочувствующие, что плакать хочется постоянно. Лучше б уж совсем не спрашивали, как дела, и игнорировали...

– Что, и Кир – милый и сочувствующий? – сильно удивился Рэй и даже приостановился на пороге, – Не замечал подобного.

– Нет, Кирилл Иванович – серьезный человек. Каким и должен быть лечащий врач.

– Ну-ну! – непонятно к чему бросил Рэй и сказал на прощанье: – Старайся не показывать, что мы знакомы. Мало ли что... Нам не нужны сплетни там всякие... И теперь меня зовут Олег Иванович, не забывай!

Согласно кивнув, я снова не сообразила спросить: почему Иванович?! И какой такой Иван сумел родить столько народа в больнице?

Потом я себя одернула и приказала не думать о мелочах. Какая разница, почему у них одинаковые отчества? Мне-то с этого что? Традиция такая или персонал подбирают по имени отца – мне до этого нет никакого дела.

Скоро привезут Темку. Об этом надо думать, и к этому готовиться! Копить силы и укреплять моральный дух.

...Вот только кто знал, что приготовиться *к такому* – просто невозможно?!

Глава 7

Каталка въехала в палату в половине одиннадцатого. Они задержались, и, причем, сильно. Эллен снова приходила и успокаивала – операция прошла успешно, с сыном всё хорошо. Нужно только понаблюдать, не будет ли у него побочки. За ним наблюдают три врача и даже сам Олег Иванович. Ничего плохого под их наблюдением не случится, не нужно переживать.

– Какой такой побочки? – спросила я напряженно.

– Вы разве не читали, когда подписывали первое согласие? – взмахнула длинными ресницами девушка, – Вялость, сонливость, сыпь, потеря памяти...

– Чего потеря? – если при первых симптомах я еще вяло кивнула – что такое читала, то про потерю памяти ничего в согласии не говорилось.

Или я просто не дочитала этот пункт.

– Не волнуйтесь. Обычно этот эффект кратковременный.

– И всё-таки... А если он меня не узнает?

– Вот врачи и ждут, когда он проснется, чтобы проверить первичные реакции. Понимаете, он, как прибыл в наш мир вместе с Алёной Игоревной, так и не пробуждался больше. И неясно, пострадало что-нибудь при переходе, или нет.

– То есть он в коме?! – спросила я самое страшное.

– Нет, просто спит. Лечебный сон. Такое бывает, если резкий прилив магических сил. А он произошел – в операционной была такая вспышка, вы бы видели! Мы на пару секунд ослепли все. Теперь организм пытается справиться с новоприбывшей силой и выстроить потоки. Это чтобы правильно функционировать. Поймите, сон в таком случае – самая первая помощь. А наши организмы сами знают, как себе помочь. Поэтому и есть у врачей такой принцип: «Не навреди!». Во сне детки выздоравливают, во сне и магические вертикали выстраивать проще.

– Да, но всё равно... Что-то долго он спит. Как бы эти вертикали его не испортили... – пробормотала я, совершенно сбита с толку.

И вот теперь, после нескольких часов тревожного ожидания, в палату въехала каталка с сыном.

– Темка! – я бросилась к любимому комочку. Тому, кто был самым важным существом на свете, – Как ты, котенок?

– Амммааа... – протянул жалобно он и вдруг блеснул на меня зелеными глазами.

Ослепил прямо! Это было так неожиданно, что я подпрыгнула у каталки и вопросительно взглянула на медсестер. Девушки потупились, и ничего не сказали.

Ясно. Первая странность, к которой следует привыкнуть – у моего сыночка мерцают глаза. Ярко-зеленым неоновым светом.

А что, наверное, это не самое страшное в жизни. Подумаешь, вот были нормальные глаза, а потом вдруг замерцали. А теперь снова погасли и выглядят как обычно.

...В садике дети испугаются, наверное. А может, нам и не нужно идти в обычный садик? Поищем что-нибудь в Междумирье. Или в какой-нибудь магический мир попросимся, как Нора.

– Мама! – вдруг четко выговорил сынок и сел на каталке, подтянув одеяло к груди, – Я скучал по тебе, мама.

Словами не передать, что я ощутила! И радость, и недоверие – ведь раньше Темка говорил лишь междометиями, а меня называл ама или ма, и страх, что сейчас что-нибудь случится, и он снова разучится говорить. Целую гамму чувств, ярких и противоречивых.

Вместо ответа, крепко обняла сына. Прижала к груди и пообещала себе, что всё самое страшное позади. Теперь у нас начнется новая жизнь. А всё, что омрачало ее раньше, мы переживем.

– Как ты себя чувствуешь? – заглядывая в его зеленые, ставшие теперь уже обычными глаза, я искала в них магию.

Мой сын – оборотень. Так в чем же различие?

– Хорошо, – ответил сынишка совершенно чисто и без запинки.

Я снова чуть не расплакалась.

– Мамоchка, помогите переложить сына на кровать, – вернула меня к действительности Эллен и откинула одеяльце, – Давайте аккуратненько! Вы держите за ноги, мы переносим туловище...

– Я сам! – вдруг бодро ответил сынок и, блеснув глазами, перескочил с каталки на детскую постель.

Секунду все ошарашенно молчали. Я – потому что не знала, правильно ли поступил Темка, и стоит ли его отругать за самоуправство. Он у меня шкодливый ребенок, это ясно. Но разве не должен он лежать в полудреме? О чем-то таком мне говорили с самого начала.

Или я всё неправильно запомнила.

Медсестры стояли, разинув рты.

– Вот это да! – выговорила, наконец, Эллен, – Шесть часов с операции прошло, а он носится по кроватям. Так не бывает.

– Может, у него уже всё зажило? – робко поинтересовалась я, наблюдая за сыном – он лег на кровать, вытянул ноги, накрылся одеялком – всё чин-чинарем, и теперь водил рукой по светло-желтой стене и царапал ее ногтем.

– Ну да, как на кошке! – недоверчиво фыркнула медсестра с черным каре и поправила очки, – Не позволяйте ему прыгать. Шов разойдется. Так нельзя! Видимо, анестезия отошла, и у него прилив сил...

– Не было анестезии, – перебила Эллен и покачала головой: – Он должен валяться в кровати чуть живой. То есть без сил!

– Кирилл Иванович разберется! – медсестра повернулась бейджиком и я прочитала – Файра Коданс. Надо бы запомнить непривычно имя, раз медсестра в паре с Эллен тоже следит за нами. – Мамоchка, вы меня слышите? Если шов разойдется, придется повторно зашивать. Вы этого хотите?

– Нет! – ответили мы с Темкой хором и озадаченно переглянулись.

– Тогда лежи смирно! – погрозила ему Файра пальцем, – Ужинать будете, мамочка? Вы не заходили в столовую. Нам сказали. Так дела не делаются. Кушать надо, чтобы силы были. Вы ведь человек. Принести вам в палату?

– Да, пожалуйста! А нужно ли кушать Тёме? – за всеми этими перипетиями я и вправду полностью забыла о еде.

– До завтра не нужно. Пусть организм восстанавливается.

– А когда к нам придет врач? Ну... посмотреть на Темку. Всё ли в порядке.

– Посмотрели уже, – отмахнулась Файра, но скептически оглядела сына. Видимо, его прыжок произвел на медсестру неизгладимое впечатление, – Если что-то случится, мамочка, или он будет странно себя вести – подойдите на сестринский пост в конце коридора. Вызовем дежурного врача. Сегодня Григорий Иванович. А завтра с утра ваш лечащий на обходе посмотрит.

– И во сколько обход?

– В восемь.

– Хорошо. Спасибо!

Медсестры ушли, выкатив каталку, и мы остались одни. Я повернулась к Темке и погладила его по взлохмаченной голове. Волосы были твердыми, колючими. Словно бы месяц их не мыла.

– Бедненький ты мой котик! – не удержалась я, и снова прижалась к сыну плечом, – Сколько же ты настрадался!

– Не плач, мам. – Темка отвлекся от стены и посмотрел мне в глаза. Очень по-умному улыбнулся, – Тетя Алена обещала, что я поправлюсь. И пойду в другой мир. Там краски, и всё такое красивое. Тебе понравится. Не плач, мама. Всё будет хорошо.

– Угу! – оторопело откликнулась я и вразрез своим словам разразилась слезами.

Ему всего лишь два года и два месяца. Еще только вчера он совсем не говорил. Мама, дай, пипи и ам-ам – не в счет.

А теперь сын изъясняется лучше нашего четырехлетнего соседа.

И это немного пугает. И немного нервирует...

Мамочки?! Нет, не так.

Ма-моч-ки!!!

В эту первую ночь мы спали на одной кровати. Темка заснул быстро, видимо, сил у него и вправду оказалось мало. Едва хватило на дерзкий прыжок с каталки на кровать. Когда медсестра принесла мне дымящуюся тарелку с пшенной кашей и котлетой, сын уже спал. Стараясь не разбудить его, я быстро покушала, переоделась в пижаму и прилегла рядом.

Он прижался ко мне и мирно засопел.

Ночь прошла спокойно. Сын спал и никаких сверхъестественных способностей не проявлял. Чему я была только рада. Нужно привыкнуть ко всей этой чертовщине. Разобраться.

Но не сейчас. Всё – завтра.

А мне нужно и самой отдохнуть. Собраться с силами перед новым днем и новыми делами. Как назло, в непривычной обстановке сон не шел, а в голову то и дело лезли воспоминания событий пережитого дня.

... А ведь утро начиналось обычно. Мы шли к очередному доктору в очередной медицинский центр. На этот раз по совету знакомой мамочки с детской площадки.

– Ты сходи к Изольде Тихоновне. Она вот такой специалист. Рома заговорил через месяц после занятий с ней. Она и логопед, и психолог, и специалист по особым деткам... Находка, а не врач. Темка заговорит быстро. Ты только не жмоться, сходи.

Запись у этой чудо-женщины была на месяц вперед. И с ценой вдвое выше обычного.

Я записалась. Действительно, чего экономить, если идем к такому крутому специалисту?

В назначенный день мы взяли такси, проехали через весь город и в девять тридцать уже вошли в помещение.

– Какой малыш! – Изольда Тихоновна оказалась приятной женщиной с круглым лицом и пышно взбитой прической, – Проходите, дорогие. Садитесь... Чай будете? Вижу, издалека ехали... Могу предложить мальчику молоко или фруктовый сок. С чем пожаловали?

– Спасибо, у нас с собой вода, – я достала из сумочки и протянула ее сыну.

Темка взял, открыл крышку и сделал пару глотков под немигающим взглядом врача. Сел на стул рядом со мной и, в свою очередь, с любопытством уставился на женщину.

– Мы из-за того приехали, что сын не говорит. Совсем. Даже мама полностью не произносит. Нам два года и два месяца, и все детки на площадке нашего возраста уже что-нибудь да говорят. А Темка всё никак. Понимаю, что все -разные, и у каждого свои особенности... Но всё же. Может быть, ему нужны занятия какие-то особенные, упражнения или еще что-то, что поможет ему?

Женщина странно глянула на меня, а потом снова повернулась к сыну. Пристально вгляделась в него, даже очки нацепила на крючковатый нос.

– Да, вижу проблему! – легонько нахмурилась она, – Несложная, но есть. Вы подождите, посидите тут, я схожу за дидактическими материалами.

Пока врач отсутствовала, мы чуть было не перевернули тормашками весь кабинет. Это при чужой тете сын вел себя насторожено и сидел чинно, то на коленях, то на специальном стульчике. А стоило ей уйти, тут же переключился на окружающие вещи.

Я чуть не взвыла, отбирая попеременно карандашницу, подставку под ручки, сами ручки и блокнот врача. Причем, блокнот было особенно жалко мять или рвать – вещица выглядела необычно. В красивой кожаной обложке коричневого цвета, блокнот был не слишком большим, но помещался в руке удобно. И стоил явно дорого. Но больше всего меня удивило то, что украшен он был кругом из железных заклепок, а в сложном замысловатом узоре среди ветвей птиц и листьев мне показался профиль волка.

Отмахнув наваждение, иначе и не назовешь, я положила блокнот врачу на стол и взяла сына на руки. Походила с ним по кабинету, поизучала таблички, щедро развешанные по стенам. По всему выходило, что Изольда Тихоновна – профессор мирового масштаба, если не вселенского. Зная тяготу врачей к посещению семинаров и конференций, я всё равно не ожидала увидеть такого количества. Вглядевшись в надписи, я к стыду своему поняла, что половина грамот и сертификатов написана на иностранных языках.

Наверное, Изольда Тихоновна и вправду одаренный врач. Кроме, Мюнхинского университета, в котором она с отличием закончила магистратуру, я успела заметить и диплом Лондонского университета.

И когда она только успевает учиться, еще и обширную практику с этим совмещать?!

Темка всё это время жалобно поскуливал на ручках, но я была глуха к его просьбам. Держала крепко, к вожденному столу не допускала.

– Мамоchка, пройдемте! – врач заглянула в кабинет и почему-то довольно улыбнулась, – Проведем сеанс в специально оборудованном кабинете.

Мне тогда еще показалось странным, что нам надо куда-то идти. Чем плох этот кабинет? Обилием табличек?!

Еще страннее было выйти на черную лестницу и спуститься с пятого этажа в самый подвал.

Темка взвыл сильнее, уже не стесняясь врача. Все это время он тихонько поскуливал. Та косо взглянула на него, но не сбавила шага.

– Нам точно нужно туда идти? – перед глухой черной дверью меня накрыла бесконтрольная паника.

Возможно, это скулеж Темки подействовал на нервы. Или я что-то почувствовала – не знаю. Но переступить порог этой темной дыры наотрез отказалась. Хоть Изольда Тихоновна и уговаривала меня пусть и настойчиво, но очень вежливо и ласково.

– Тяжелое оборудование. Неподъемное, – объясняла она, – Рентген сделаем, кости посмотрим.

– Послушайте, какие кости?! – возмутилась я и сделала шаг назад, – Я не хочу. Давайте вернемся в ваш кабинет. Ни о каком рентгене мы с вами не договаривались.

– Вам ничего не нужно доплачивать. Это входит в стоимость сегодняшнего приема, – зашла она с другой стороны, – Вы что, не желаете блага своему сыну? Мы проведем всестороннее обследование, и выясним, почему его мозг плохо работает.

– Нормально он работает!

Слышать такие вещи было оскорбительно. Да, пусть Темка отстаёт в чем-то от своих ровесников, но он – умный малыш. Я же вижу. И никому не позволю называть его умственного отсталым!

– Мы уходим! – решительно заявила я и развернулась.

Вот это и было моей тактической ошибкой. Никогда нельзя поворачиваться спиной к сомнительным личностям. Или тем, кто не вызывает доверия. Никогда! Их нужно держать в поле зрения, следить внимательно за их действиями. Особенно, когда стоишь в глухом подвале незнакомого тебе медцентра.

Меня схватили за шиворот, потрясли как котенка, и, невзирая на то, что вес мой утяжелял Темка, легко впихнули в черный проход.

– Да что ты упертая такая? – донеслось вслед.

А потом врач зашла внутрь и включила свет.

Оказывается, нас тут уже ждали.

Глава 8

Четверо мужиков бандитского вида держали нас на пушке. Автоматы были самыми настоящими – это я поняла сразу, хотя вживую видела подобное оружие впервые. На их лицах были натянуты тканевые маски, а волосы скрывали капюшоны. Один из мужиков был в черном строгом костюме. Главарь, наверное, – отвлеченно подумала я.

Темка заорал. Мне было страшно не меньше. Но что я могла поделать?

Вот и Темка затих буквально через минуту. Уткнулся в плечо, и едва слышно постанывал.

Помещение было большим и серым, и чем-то напоминало парковку. Вот только ни одной машины в ближайшей видимости не проглядывалось. Тусклый свет вытянутых ламп, какие-то нанесенные желтой краской знаки на стенах, несколько едва заметных дверей – обычное складское помещение, в котором почему-то ничего не хранится, и куда, я уверена, не заглядывают годами.

Стало совсем не по себе.

Нас здесь не найдут. Определенно!

– Отдай ребенка. И можешь идти на все четыре стороны, – хрипло каркнул один из мужиков.

Я упрямо качнула головой и прижала крепче Темку. Зачем он им? Хотят украсть ребенка и пустить его на органы или в рабство? Только через мой труп.

И он здесь, по-видимому, скоро появится.

Блин, во что же мы влипли?!

Я затылком чувствовала тяжелый взгляд врача. Только автоматы, наведенные на нас, удержали от резкого слова или действия.

Как она могла так поступить? Почему?!

Будь мы в помещении, я попыталась бы сбежать. Спрятать сына, отвести им глаза. Ну, хоть какую-то попытку спастись предприняла.

Здесь же нет вариантов. Только получить пулю в лоб. А мешкать они не станут – в миг пристрелят, вон какие страшные громилы.

Да, мы не выстоим против вооруженных людей. Нам крышка.

– Зачем он вам? – громко выкрикнула я.

Нужно тянуть время. Обязательно тянуть и не сдаваться. Пусть я и не понимала, зачем. Меня застрелят, Темку похитят – без вариантов.

– Не беспокойся, милая. Мы не причиним малышу вреда, – улыбка врачихи-предательницы походила больше на оскал, – Отдай ребенка добровольно, и жертв не будем. Мы не заинтересованы в конфликте.

– Но зачем он вам? – упрямо настаивала я.

А сама тем временем плавно подбиралась к ней поближе. Приглядывалась и пыталась просчитать варианты. С виду Изольда Тихоновна женщина не особо крепкая, лет пятидесяти. Получится ли у меня взять ее в заложники?

Сначала нужно отпустить на пол Темку. Потом кинуться к ней. На всё про всё – две секунды. Но у меня нет оружия... Чем угрожать? Кулаками? Глупо. А попытка придушить скорее всего провалится – меня застрелят быстрее.

Что же делать?!!

– Особенный малыш пополнит нашу коллекцию! – хриплый голос мужика с автоматом не вызывал доверия.

Врёт. Им нужен мой сын для совсем других целей. И я даже не хочу гадать, для каких именно.

– Отпустите нас! Иначе вам будет плохо! – уверенно кричу я, но мужики не верят – всё также держат нас на мушке.

– Милая, мы знаем, что защитников у вас нет. Никто не придет и не спасет вас, – сухо говорит врач, а сама подходит ближе, – Отдай малыша. Ну, же!...

И вот тут случилось чудо. Самое настоящее – иначе назвать его я не могу. Одна из неприметных серых дверей отрылась, и оттуда вышел мужчина.

Незнакомец поражал своим огромным ростом. Он был выше всех присутствующих как минимум на голову. Широкие плечи, мощная атлетическая фигура. И лицо – сосредоточенное и злое. Он был одет в спортивный черным костюм, но нестандартный. На ум сразу пришло определение «ниндзя», и я мысленно взмолилась, чтобы он помог нам.

Мужчина, к чести, моментально сориентировался и бегом бросился к нам.

Мужики тоже не спали. Развернулись и открыли огонь.

Как он лавировал между пуль! Сказка! Ни одна не задела его. Играючи он подпрыгивал, наклонялся, отмахивался от летящей смерти.

А потом и вовсе, сложил руки вместе и как будто нырнул в воздух. И в одну секунду, прямо в прыжке, превратился в огромного серого волка.

Шансов выжить у мужиков не было. Волк мощный, огромный, как два человека, моментально сбивал с ног.

Первого мужика он перекусил пополам, со вторым пришлось повозиться. Я закрыла ладонью глаза Темке, чтобы он не видел этого месива. Как волк размахивал туловищем мужиков. Как терзал их и разрывал на куски. Сильные когти и челюсти впечатляли, но в какой-то момент я и сама прикрыла глаза.

Слишком всё это выглядело страшно. Ненормально. И опасно.

Но я стояла с сыном как приросшая к полу и не двигалась. Сын тоже притих. Тогда я не знала, что он отключился. Упал в обморок. Фигурально, конечно, потому что был у меня на руках.

От витающего в воздухе запаха, замутило.

Сзади хлопнула дверца – Изольда Тихоновна ретировалась, не дожидаясь расправы.

Когда этот незнакомец перемахнул обратно в человека, я просмотрела.

– Очнитесь! – гаркнул он мне прямо в лицо, – Ваш сын в обмороке!

Тогда всё снова закрутилось.

Мы бежали к машине. Мужчина нес Темку на руках. Как в страшном сне я спотыкалась следом, налетая на все углы и косяки, и больше всего на свете боялась не успеть. Через задний двор мы вышли к серому лэнд-роверу с затемненными стеклами. И только когда машина с резким разворотом рванула с места, я смогла нервно спросить:

– Кто ты? И почему помог нам?

– Потом. Сперва оторвёмся от варрей, – рвано ответил наш спаситель, и напряженно вглядываясь в зеркало заднего вида, резко развернул машину и помчался по встречке, – С целой оравой я не справлюсь.

Я оглянулась и оцепенела. Нас преследовали. Четыре черные машины, огромные, как катафалки, явно неслись за нами.

– Не волнуйся. Сможем оторваться, когда за город выберемся, – бросил мужчина и, не глядя в мою сторону, представился: – Рэй.

– Джули. Они – опасны?

– Автоматы тебя не убедили? – мужчина позволил себе кривую усмешку, – Как всякие бандиты. Непредсказуемые и нервные.

– У меня нет опыта общения с бандитами, – меня передернуло от воспоминаний, – Но почему в это оказалась замешана Изольда Тихоновна? Уважаемый врач, известная на весь город...

Рэй не ответил.

Еще несколько резких поворотов, и мы выехали на шоссе. Сначала Рэй дерзко лавировал между машинами и фурами, которых еще было много на дороге, а потом вырвался вперед. Черные машины не отставали, но расстояние между нами увеличилось.

– Но как?! Они же... – я не договорила. Рэй понятиливо хмыкнул:

– У меня есть секреты.

Он явно уклонился от объяснений. Кивнул на заднее сидение:

– Как он? Очнется?

– Я не знаю... – паника, немного отпустившая, снова выставила свои железные тески, – Он раньше не падал в обморок. Я... понятия не имею, что делать. Наверное, нужно вызвать скорую помощь

– Ясно. И всё-таки странно. Не проснулся из-за громкого шума, из-за резкого торможения... Не реагирует на наш разговор. Ему нужно в больницу.

– Да, – я погладила виски. Отчего-то их сдавило особенно сильно, – Нужно в больницу...

– Если ты не против, я знаю одну хорошую. Там вас не найдут.

– В больнице?

Соображала я плохо. Слова Рэя звучали как сквозь вату. И мозг, он... не соображал. Тогда еще я не знала, что мы вошли в пространственный коридор, и подобное состояние часто бывает у новичков. Тех, кто никогда не покидал своей собственной реальности, и не ощущал на себе давление других миров.

В машине стало тяжело дышать, и видимость ухудшилась. Словно в один миг мое зрение со сто процентного скакнуло на минус пять.

– Да, там безопасно.

Машину резко дернуло в сторону, Рэй чертыхнулся, я подпрыгнула на месте. Нас стало так сильно трясти, будто мы съехали на камни.

Сработали ремни безопасности. На панели замигала ярко-синяя кнопочка. Рэй выключил ее, искоса глянув за плечо.

Темка спал. Мотанулся, конечно. Руки, ноги стукнулись о сидение, но малыш не проснулся. И меня с головой затопило ужасом. Что, если он совсем не проснется?!

Перегнувшись, я попыталась дотянуться до лица.

Не получилось. Ремни плотно обхватили тело и не пускали.

– Дышит, – не оборачиваясь, бросил Рэй.

– Точно?!

– Да. Я слышу его дыхание.

Причин не верить Рэю не было. И ему врать мне – тоже. Мы незнакомы, так что врагами являться не можем. Наверное... С опозданием я осознала, что еду с незнакомым мужчиной неизвестно куда. За окном – туман и смывтый пейзаж. Вроде бы проглядываются очертания деревьев. А может быть, и нет.

– Дождь? – киваю я в сторону лобового окна.

Несколько капель смываются дворниками.

– Нет. Разница температур при переходе. Мы выходим в другое измерение. В Междумирье.

– Ага, ясно! – нарочито бодро кивнула я и села прямо, – А где это?

– Волшебная больница Святого Владимирра – необычное место, – задумчиво ответил Рэй, – Она оказывает помощь всем. Абсолютно. Если существо нуждается в лечении, то самое верное средство – постучаться в двери Владимирра. Они не отказывают.

Слышать о какой-то волшебной больнице было странно. Мне показалось, что Рэй смеется надо мной. Издевается. Или у него такое неудачное чувство юмора.

– А другие больницы могут отказать? – спрашиваю так спокойно, будто каждый день обращаюсь в эти самые волшебные больницы.

– Да. Где-то принимают только оборотней типа меня. Где-то плата столь высока, что полжизни расплачиваться будешь. А где-то вообще могут отказать, если ты не звезда междумирового уровня.

– У нас также. Есть государственные больницы, в них принимают всех с медицинским полисом...

– Приехали! – перебил Рэй и машина снова резко мотнулась в сторону.

Подавив приступ страха, я выглянула в окно. Среди туманного нечто не сразу я разглядела едва заметные очертания ступенек, каменные стены и широкую деревянную дверь.

– Идите туда, и не бойтесь! – сказал Рэй и хлопнул дверью.

Пока я осторожно вылезла из машины – мне до последнего казалось, что вместо асфальта я ступлю в туман и тут же утону, он живо взял на руки сына и уже поднимался по ступеням.

– Иду! – крикнула я и всё-таки ступила на невидимый асфальт.

К счастью, он всё-таки существовал. Просто видимость была почти нулевая. А так – всё в этом Междумирьи выглядело вполне обыкновенно. Здесь было тепло и приятно. Птички чирикали, ветерок обдувал разгоряченное лицо. До меня донесся чарующий аромат роз, неизвестных цветов и, почему-то, ландышей. Оглядевшись, я заметила, что в этом месте царит лето. И никаких голых ветвей и опавших листьев! Огромные кусты роз были тому явным подтверждением.

Чудеса, да и только!

– Где ты? – остановился перед дверью Рэй. Я очнулась – некогда считать ворон! и со стыдом бросилась к нему, – Придержи дверь.

Дверь, обрамленная деревянными резными квадратами вполне могла быть дверью какого-нибудь советского учреждения. Тяжелая и мощная, внушительная, и с золотой табличкой: «Волшебная больница Святого Владимирра».

Открыть ее удалось только со второй попытки, дернув, что было силы.

Не успели мы войти внутрь, как к нам тут же подбежали две медсестры и дежурный врач. Без лишних разговоров переложили Тёмку на каталку и отвезли в неизвестном направлении.

– Мапочка, проходите вон в ту дверь! Там по коридору и налево. Заполните документы, к вам спустится врач, – сказали мне и убежали.

Поблагодарив любезную медсестру, я было дернулась бежать в указанном направлении, но была остановлена Рэем. Он придержал меня за локоть и серьезно сказал:

– Пока не поправитесь, не смей покидать больницу. Здесь вы под защитой. Поняла?

– Ээм... Да. Спасибо тебе! – спохватившись, что мы сейчас распрощаемся, возможно, навсегда, я еще раз выразила мужчине всю свою признательность: – Огромное спасибо! Если бы не ты!...

– Угу! – прервал меня смущенно Рэй. Без лишних разговоров кивнул и вышел за дверь. Так мы остались в больнице одни.

Глава 9

Утром нас разбудил голос медсестры:

– Просыпайтесь, скоро обход!

Продрать глаза оказалось делом непростым. Всю ночь я металась, мучаясь кошмарами и видениями из прошлого. Даже отец Темки примелькался. Смотрел на меня с укором и качал головой. А я всё пыталась выведать, за что он поступил с нами так...

Зато под утро заснула так глубоко, что, открыв глаза, даже не сразу поняла, где нахожусь. Темка среагировал быстрее – перелез через моё тело, шлепнулся на попу, а потом пулей бросился к столу. Как будто там для него приготовили подарок.

– Тёма-а! Опять ты за свое! – простонала я и окончательно проснулась.

Сын тем временем не хуже обезьянки забрался на стул, перелез на стол, и собирался на нем встать в полный рост. Тут уж я бросилась к нему с криком:

– Осторожно! Не упади.

Ожидаемо, он сопротивлялся. Конечно! Придумал такую интересную затею, постоять на столе и, возможно, попрыгать на нем, а мама всё испортила.

– Хулиган! – привычно ругалась я.

Снимала его насильно, под дикие истошные крики.

Именно в этот момент к нам и зашла делегация.

– Что происходит?

Впереди толпы врачей стоял Иннокентий Иванович. Сегодня заведующий был одет в более привычный белоснежный халат.

– Балуешься, чертенок? – притворно нахмурил он брови, и Темка неожиданно притих.

По правую руку от него стоял Кирилл Иванович. Невозмутимо смотрел, как я стаскиваю сына на кровать, усаживаю его и поправляю челку.

Да уж, не такое поведение они были готовы увидеть после операции.

Сейчас будут ругаться. Меня, разумеется, отчитают первым делом. Ведь это я – безответственная мать, и не слежу за сыном.

Еще раз пригладила Темке вихры и подняла виноватый взгляд на врачей.

Они все молчали, внимательно наблюдая за нами и словно чего-то ждали. Где-то позади незнакомых врачей я разглядела Алёну Игоревну. Фея-анестезиолог была в розовом халате и единственная из присутствующих улыбалась. А перехватив мой взгляд, еще и ободряюще кивнула.

Наверное, вид у меня был испуганный. Но я так привыкла, что нам всегда и всюду делают замечания, что и сейчас ожидала выговора.

– Вижу, состояние вашего пациента, Кирилл Иванович, улучшается, – насмешливо заметил заведующий, – Прыгает, бегаёт. Как там говорится в земных сказках? «Рос не по дням, а по часам!»...

– Вы и такое знаете? – ахнула фея и, воспользовавшись паузой, протиснулась вперед, – Темочка, как твое самочувствие? Помнишь меня? – наклонилась она к сыну и легонько потрепала его по волосам.

Приглаженные вихры снова оттопырились.

– Нормально, тетя Лёна.

– Голова не кружится?

– Нет.

– В груди не болит?

– Нет.

– Маму любишь? – вдруг спросила она, и сын серьезно ответил: – Очень!

– Ну тогда с моей стороны всё в норме, – кивнула она и отошла в сторону.

Врачи словно ждали этой ее отмашки и разом заговорили. Гул голосов оглушал. Они поздравляли Иннокентия Ивановича, трясли руку Кириллу Ивановичу, а одна врач даже обняла нашу фею.

Случай, как я поняла, был нереальный. Даже для Волшебной больницы.

– Удивительно! – громко сказал один из незнакомых мужчин, высокий импозантный брюнет средних лет. Он вышел вперед, как бы отделяясь от группы врачей и повернулся лицом к Кириллу Ивановичу: – Как вы это сделали? Стабильное поле, силища так и плещется через край. Невероятно! Еще вчера он умирал!

Я вздрогнула. То есть, всё действительно было так плохо?

Вопросительно посмотрела на нашего лечащего врача, мысленно спрашивая: «Это правда?!». Тот отвел взгляд.

– Ребенок быстро восстановился. Сам. Тут нет моей заслуги, – сухо ответил он и развернулся, чтобы уходить. Напоследок бросил мне: – Через час приходите в перевязочную, посмотрим, как заживает шов. Иннокентий Иванович, в соседней палате пациент...

– То есть как ребенок вылечил себя сам?! – не отставал назойливый брюнет. Его голос перешел на неприятный визг.

По знаку заведующего все врачи плавненько стали покидать нашу палату.

– То есть вы говорите серьезно?!... – голосил он вслед делегации.

Что за неприятный тип? Надеюсь, мы его больше не увидим.

– Я люблю тебя, мамочка! – отвлек меня от грустных мыслей сын, и я крепко-прекрепко обняла его.

Что думать о глупостях? Оказывается, мы пережили страшные времена. Справились. И это здорово!

– И я тебя люблю, зайчик! – прошептала я и принялась целовать сына.

В щеку, в носик, в ушко... Тот зашумел, запыхтел довольно, как ежик.

Всё страшное осталось позади. Мы выкарабкаемся. Справимся с болезнью.

– Мама, а я вот как умею! – вдруг сказал сын и мигнул ставшими ярко-зелеными глазами.

Я испуганно вздрогнула. Всё-таки непривычно, когда он так смотрит. Как будто из ужастиков чудище потустороннее. Или робот со светящимися глазами.

Бррр... Надо привыкнуть к этой его новой особенности!

– М-молодец! – отодвинувшись, я осмотрела его лицо.

А всё остальное в порядке. Лицо свежее, румяное. Даже синяков под глазами нет. А ведь были в последнее время, я даже на то, что мы мало гуляем, грешила.

– Ты назад погляди! – тихо сказал сын, и тогда я поняла, что самое веселое впереди.

И дело не в глазах. Они мигнули и погасли. А вот позади меня стояло призрачное едва заметное существо.

Какой-то зверь. Приглядевшись, я почувствовала, как похолодели ноги.

– Это в-в-волк? – мой голос дернулся вверх, как у того мужчины недавно.

– Ты не бойся его мамочка, – спокойно ответил Тёмка и поманил это белесое существо к себе, – Он пришел за мной из-за грани.

Зверь подошел ближе и лег на пол у кровати. Его размеры были столь велики, что даже в лежачем положении спиной он касался края кровати.

– То есть, как это не бойся?! – прошептала я, глядя на большие зубы и челюсть – шире моей головы. Ну ладно, не шире, но перекусить шею вот этими клыками волку – как нечего делать.

И неважно, что зверь всего лишь приоткрыл пасть, чтобы высунуть язык, как обычная собака, и с заискивающим выражением уставиться на Темку.

Нет, сыну он явно ничего не сделает. В каком-то смысле, это даже хорошо. Будет защищать и стоять насмерть – я это поняла вдруг очень отчетливо. И выдохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.